

АНТОНОВ А. И.

ЕВПРАКСИЯ

Женские лики – символы веков

Александр Антонов

Евпраксия

«Алгоритм»

2005

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Антонов А. И.

Евпраксия / А. И. Антонов — «Алгоритм», 2005 — (Женские
лики – символы веков)

ISBN 978-5-501-00186-2

Александр Ильич Антонов (1924–2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953 г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х гг. Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003 год. В этой книге представлен роман «Евпраксия», в котором повествуется о судьбе внучки великого князя Ярослава Мудрого – княжне Евпраксии, которая на протяжении семнадцати лет была императрицей Священной Римской империи. Никто и никогда не производил такого впечатления на европейское общество, какое оставила о себе русская княжна: благословивший императрицу на христианский подвиг папа римский Урбан II был покорен ее сильной личностью, а Генрих IV, полюбивший Евпраксию за ум и красоту, так и не сумел разгадать ее таинственную душу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00186-2

© Антонов А. И., 2005

© Алгоритм, 2005

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Ильич Антонов

Евпраксия

Глава первая

И родилась княжна

Майской порой по полуденной степи катились две конные лавины. Впереди – тысяч пять воинов-русичей, за ними – верстах в пятнадцати – орда половецкая числом до двадцати тысяч. Для русской дружины все могло быть хуже, если бы не три дозора, которые выследили врага. Половецкая орда шла русичам навстречу, и, если бы эта встреча случилась, орда проглотила бы русскую дружину в открытой степи. Высмотрев половцев, первый дозор зажег дымный витьень. Второй дозор, заметив дым, упредил третий, и семь воинов последнего дозора умчались к дружине, чтобы предупредить о враге.

Тот враг был жесток и беспощаден. Князь Всеволод, сорокалетний сын Ярослава Мудрого, который возвращался из Киева в свое удельное Переяславское княжество, знал нрав половцев лучше, чем многие другие удельные князья той поры. Его удельный град Переяславль, находясь на юго-востоке от Киева, первым принимал на себя удары коварного врага. Так было в 1055 году, когда впервые на переяславскую землю ворвался с ордой князь Болуш. Тогда ему не удалось нанести большой урон князю Всеволоду. Его дружина выгнала из пределов княжества малую орду Болуша, хотя тот и сумел увести в полон из порубежных селений больше сотни жен, дев и детей русичей.

Так было и в 1061 году, когда молодой сын Болуша, князь Секал, отважился напасть на Русь зимней порой. Орда ворвалась в Переяславское княжество, словно стая голодных волков, сметая на пути все живое, и подошла к городу. Дружина Всеволода – всего-то две с половиной тысячи воинов – вышла навстречу половцам и в неравной сече была смята и уничтожена. Лишь немногим удалось спастись бегством. Удельное Переяславское княжество было разорено, сам Переяславль сгорел дотла, а горожане – не одна тысяча – были угнаны в полон. Только старцы остались на пепелищах. Всем прочим русичам суждено было стать рабами. Князь Всеволод бежал в Киев.

«Небо праведно! – писал о том пречестный Нестор-летописец. – Оно наказывает россиян за их беззакония. Мы именуемся христианами, а живем как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, а в домах трубы, гусли и скоморохи».

Спустя восемь лет князь Всеволод и его брат князь черниговский Святослав отважатся наказать половцев за их непрекращающиеся набеги на Русь и прежде всего на их княжества. Собрав всего-то шесть тысяч ратников, Всеволод и Святослав ранней весной 1069 года двинулись в половецкие пределы, перешли реку Снове, зашли в тыл к половецкой орде Секала и темной ночью напали на спящих воинов. Двенадцатитысячную орду обуял ужас. Забыв схватить оружие, ордынцы бежали в гиблые места к реке и там сотнями пропадали в ледяной пучине. Даже те, кто успел сесть на коней, гибли в бурной паводковой воде, потому как отошавшие за зиму кони были бессильны справиться с течением.

Князь Секал, собрав близ себя небольшой отряд, сам повел его в сечу. Но воины Святослава окружили его отряд, многих побили, а князя Секала с полусотней ордынцев пленили. Позже князь Секал признается, что его погубили голодные кони и жадность. Он шел на Русь с расчетом на легкую победу над переяславским и черниговским князьями, вел с собой сотни кибиток для добра и полонянок. Убегая, половцы бросали кибитки, шатры. Даже шатер Секала достался победителям, и в нем Святослав и Всеволод нашли пять княжеских жен и

полдюжины рабынь. Князь Святослав, будучи благочестивым супругом, не прельстился прекрасными половчанками, повелел своим гридням взять их в добычу. И вдовый князь Всеволод даже взором не поласкал полонянок. Так бы воины и увели их в стан, если бы одна из них не открыла своего лица. Всего мгновение смотрели на Всеволода большие серые и печальные глаза, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы князь догадался, что перед ним не половчанка и не куманка. Он придержал ее и сказал:

– Братец Святослав, я оставлю ее себе.

– И хорошо, – отозвался Святослав.

Через три дня, предав земле павших русичей, собрав и поделив с братом половецкую добычу, Всеволод отправился в свое княжество. Полонянку везли в добытой у врага кибитке. При ней неотступно следовали два воина. Князь Всеволод не беспокоил пленницу. Еще на месте сечи он задал ей через толмача два вопроса: «Кто ты? Как тебя звать?» Она же лица не открыла и промолчала. Всеволод увидел, что плечи ее дрожат от страха, он попытался разгадать ее положение близ половецкого князя, но это ему не удалось. В одном он убедился: она не была ни женой Секала, ни его наложницей. О том говорила ее убогая одежда. Спрятав полонянку в кибитку, Всеволод попытался забыть о ней. Ан нет, сие не удавалось: ее печальные глаза неотступно светились перед ним. В Переяславле князь отвел ей покой в своих палатах, приставил к ней добрую и ласковую мамку, боярыню Аглаю, и наказал ей:

– Ты, матушка Аглая, растопи лед в груди полонянки и выведай все, чем она жила.

Аглая больше месяца приходила к Всеволоду с пустыми руками.

– Одна поруха, родимый князь. Камень и есть камень холодный твоя полонянка.

– Может, она без языка? – спросил озадаченный князь.

– Не ведаю, родимый. Лицом-то она уж больно пригожа и статью хороша. А вот про язык не скажу. Да ты сам к ней зайди, княже. И чего тебе, не обремененному семеюшкой...

Всеволод вдовствовал уже около четырех лет. Все эти годы он не знал женского тепла. Да и семеюшка, царевна Елена, побочная дочь византийского императора Константина Мономаха, мало согревала его в последние годы. Какая-то неведомая болезнь не по дням, а по часам съедала тело и дух княгини. Когда она преставилась, то в раку положили кожу да кости.

Князь прислушался к совету Аглаи. Он не был человеком робкого десятка перед женками и сказал мамке:

– Я и впрямь вольный муж, потому и сраму за мной не будет. Однако идем, Аглаюшка, вместе, дабы не напугал девицу.

Полонянка сидела за рукоделием: вязала шерстяные чулки. С появлением князя и боярыни лишь на миг подняла глаза и вновь опустила к рукоделию.

Князь подошел к ней и проявил волю, поднял ее лицо за подбородок.

– Я – Всеволод, – сказал он и ткнул себя пальцем в грудь. – А ты? – Знал князь, чего от нее требует, и ждал ответа.

Полонянка смотрела на князя без страха, и не было в ее глазах печали. И сказала она то, что повергло князя в изумление. Она ответила по-русски:

– Мне ведомо, что ты князь Всеволод. И за то, что спас меня от неволи, буду молить Бога до конца дней своих о твоём здравии.

– Господи, но кто ты есть? Почему не откроешься? – воскликнул князь.

– За то винюсь, князь-батюшка. Десять лет молчала, как в полон нас увели да матушка с братиками пропала.

Всеволод присел рядом с полонянкой и, не спуская с ее лица удивленных глаз, спрашивал:

– Но откуда ты? Чья?

– Рыльские мы. Батюшка Петрил посадником там служил. Да сгинул в сече с половцами.

– Я помню то лихое время. Спустя год и у нас так было. Но где твоя матушка, где братья? И как тебя звать?

– Матушку и меньших ее увезли на рынок, там они и сгинули. Меня же оставили при князе Болуше. Имя мое Аннушка, так в рождении нарекли. А в крещении – Авдотья.

– Аннушка... Какое хорошее имя. Но как ты жила в полоне?

Анна опустила голову, долго молчала, потом тихо ответила:

– О том в одночасье не поведаешь.

Всеволод в этом ответе уловил другое: полонянка не хотела ворошить прошлое при Аглае. Все-таки спросил:

– Может, страшно вспомнить прошлое?

– Нет, князь-батюшка. Да о том ты тоже узнаешь.

– Я терпелив и подожду, когда найдешь нужным рассказать, – ответил Всеволод. – И рад тому, что узнал. Думал, что ты половчанка или куманка. Ан нет, и это отрадно. Теперь слушай князя. – Он встал, и Анна встала. Она уже избавилась от сутулости и была ниже князя всего на два вершка. – Отныне тебе, боярской дочери, не сидеть затворницей. Аглая принесет новые платья, а после полудня я позову тебя на трапезу. Поклониться моим боярам, воеводам и княжим мужам.

Анна, однако, отказалась от трапезы.

– Повремени, князь-батюшка, еще день-другой. Ноне все так неожиданно, и я потерялась.

– Будь по-твоему. Не на пожар же собираемся, – согласился князь.

Всеволод не тревожил Анну еще три дня, но наступило воскресенье, и он пришел за нею, дабы увести. А едва увидел, у него пропало всякое желание показывать ее кому-либо. Только он один хотел владеть этой до неузнаваемости преобразившейся молодой боярышней. Анна была смущена своим преображением. Зато Аглая сияла, как утреннее солнце, омытое росой. Она, многие годы простоявшая близ греческой царевны, знала покоряющую силу византийского одеяния. На Анне все было из того, что принадлежало княгине Елене.

– Ты доволен, родимый князь? – спросила Аглая.

Он же только погладил ее по спине. А сам попытался заглянуть в лицо Анны.

– Посмотри на меня, боярышня, – попросил Всеволод.

И Анна подняла на князя большие серые глаза. В них светилась благодарность, а на белом чистом лице появилась улыбка. Русая коса с золотой лентой лежала на высокой груди, оттеняя лебединую шею. Тонкий стан, препоясанный шелковым поясом, подсказал князю, что Анна только что вышла из отрочества.

– Господи, да как же тебя, лебедушку, не показать всему миру! – воскликнул князь. И Всеволод счел нужным отвести Анну в трапезную. Но перед тем как выйти из покоя, он спросил Анну: – Если я позову тебя в семеюшку, будет ли на то твоя воля?

– Я невинна. Но достойна ли твоей милости? – спросила Анна.

Ответ полонянки на сомнения князя по поводу ее девственности, выраженный в двух словах, поразил его своей простотой и ясностью, и он вновь воскликнул:

– Лучшей доли у меня не будет!

– Я буду верной тебе рабой, – тихо произнесла Анна и опустилась на колени, поцеловала руку князя.

Всеволод поднял Анну и повел ее в трапезную. Там за столом сидело двадцать пять княжых мужей, бояр, воевод. Все они, увидев рядом с Всеволодом незнакомку, разом встали и с удивлением осмотрев ее, склонили голову. Князь объявил им:

– Мужа мои славные, перед вами боярышня Анна, дочь рыльского боярина Петрила, коего вы должны помнить. Любите ее и жалуйте, мою будущую еемеюшку.

– Слава Всеволоду, слава Анне! – единым духом отозвались боевые соратники удельного князя.

И прошел год мирной супружеской жизни Всеволода и Анны. Они были счастливы, потому как полюбили друг друга. Во всем они сошлись нравами, оба покладистые, мягкосердечные, уступчивые и согласные, чего никогда раньше не было у Всеволода с Еленой. Анна уже готовилась стать матерью, была на сносях. И рожать бы ей в княжеских палатах Переяславля, да все обернулось не так, как хотели. На Пасху их позвали в Киев. Так уж было принято, когда на великий весенний праздник многие удельные князья собирались в стольный град на торжественную литургию в честь Воскресения Господня. В Киеве княгиня чуть приболела и на день задержала отъезд. И теперь Всеволод спешил к родам добраться до Переяславля.

Путь им перекрыла половецкая орда. Всеволод не отважился вступить с половцами в сечу. Знал он, что его пять тысяч воинов будут сметены и уничтожены в открытой степи. И повелел дружине повернуть вспять. А теперь судьба русичей зависела от выносливости и резвости коней. Всеволод, однако, верил, что его дружине посильно уйти от половцев. Кони ратников в зимнюю пору не голодали и к весне были в теле. И час и другой уходила дружина Всеволода от поганых, не сбавляя хода и без помех. Половцы еще не сели на хвост ратникам. И в Киев Всеволод отправил двух гонцов уведомить великого князя Изяслава. Ан беда пришла оттуда, откуда князь и не ждал ее.

В хвост дружины прискакал гридень из охраны княгини Анны. Осадив коня, молодой воин крикнул:

– Князь-батюшка, княгиня Анна дитем мается, тебя зовет.

В пот ударило Всеволода, оторопь пришла. «Эко не ко времени! – мелькнуло у него. – Да час пришел, и не остановить». Рядом с князем рысил тысяцкий Ивор.

– Смотри тут! – крикнул князь Ивору и ударил плетью коня, наметом помчался вдоль конного строя, в котором где-то в середине, в половецкой кибитке, запряженной парой коней, ехали княгиня Анна с Аглаей и сенной девицей. Пока Всеволод догонял кибитку, мысли черные, словно воронье, кружились. Знал он, что такое роды. Когда Елена рожала первенца Владимира, исстрадался, изошелся душою и телом. А ведь Елена разрешилась в тереме и повитухи близ нее были искусные. И все под руками, дабы помочь роженице и облегчить страдания. Правда, тогда Елена, царство ей небесное, рожала богатыря. Таким и был сын Всеволода Владимир Мономах. Тут пока было неизвестно, кого принесет Анна. «Да и справится ли с родами при дикой скачке? Сумеют ли Аглая и Фрося помочь роженице? А вдруг нужно будет остановиться? Что же тогда? Дружину на врага повернуть, дабы уберечь Анну от половцев? Да убережешь ли? Так и так погибеть!» – суматошливо мелькало в возбужденной голове князя.

Вот и кибитка. Возница исправен, и пара коней идет резво, не нарушая строй воинов. Всеволод поравнялся с кибиткой, спросил возницу:

– Ну как там, Ждан?

– Матушка держится. Еще крепится, – торопливо ответил Ждан. – Но схватки начались и воды уже отошли, как повернули вспять.

– Воды, схватки! Господи, какие муки! – посетовал Всеволод. Он было вознамерился перебраться на скаку к вознице, а от него – в кибитку. Но князя упредила Аглая. Она видела из кибитки смятенного Всеволода. Откинув войлочную кошму, крикнула:

– Родимый батюшка, ты уж нам не докучай! Да ворогов не допусти к нам. Смертный страх обуял нас! – призналась Аглая.

Княгиня Анна и впрямь почувствовала в душе ужас, как только услышала, что навстречу им идут половцы. На миг представив себе, что с нею будет, ежели она попадет в руки жестокого князя Акала, старшего сына князя Секала, у нее, казалось, оборвалось сердце. А как только кони повернули в обратный путь и тряска в кибитке от быстрой езды стала нестерпимой, у Анны начались родовые схватки. Не в состоянии сдержать боли, она зашлась криком. Аглая и Фрося перепугались, не зная, что делать. А придя в себя, напоили Анну целебным настоем, а Аглая принялась растирать роженице живот.

Анна немного успокоилась, но страх не покинул ее. И лик злобного Акала, словно живой, метался перед ее взором. Еще в те годы, когда Анна была тринадцатилетней отроковицей, юный князь добивался у деда Болуша, чтобы тот отдал Анну ему в наложницы. Однако старый князь дорожил ею. Она для него была больше чем полонянка. Еще в молодые годы князь Болуш добыл в южном походе иранскую женщину. Она была искусница в лечении всех болей. Но то было не главное. Молодой Болуш не знал хворей и был очень охоч до женщин. Плоть бушевала в нем. Пять жен едва ублажали его. Но с годами силы иссякли, а жажда осталась. Тут-то иранка Осана и спасала его от бесовских мук. Она знала, как заставить мужчину быть сильным в детородной справе. Но с годами и Осана постарела, ее руки ослабли и перестали творить чудеса. В это же время в шатрах Болуша появилась россиянка Анна. И прозорливый Болуш отдал в учение Осане девятилетнюю полонянку. Анна оказалась прилежной ученицей и за три года познала многие тайны древней иранской магии. Но больше всего она преуспела в том, чего ожидал от нее Болуш. Руки Анны оказались более искусными, чем у Осаны. И стоило только Болушу занемочь жаждой плоти, как он звал к себе Анну и отдавался во власть искусницы. Она поила его снадобьями, приготовленными по рецептам Осаны, а ее умелые руки завершали чудо. Старый князь Болуш забывал о своем возрасте и ублажал себя с самой молодой и горячей из жен.

Анна была благодарна половецкому князю за то, что над нею он не насильничал. Может быть, ему сие и не удалось бы, потому как Осана наделила Анну не только искусством возбуждать мужей, но передала ей и тайну гашения мужской похоти. Позже тем она и спасалась от домоганий молодого князя Акала, когда его дед князь Болуш погиб в сече с черниговцами. Дорогой ценой платила Анна за каждую победу над Акалом. Он становился зверем, избивал ее, грозился убить или отдать на потеху воинам. Что сдерживало Акала от крайностей, Анна не знала. Но теперь княгиня была уверена, что, ежели попадет в руки Акала, ей пощады не будет. И это мешало роженице справиться с тем, что в сей день и час было главным в ее жизни. Она никак не помогала младенцу покинуть лоно. Анна кричала от боли, страдала от немощи, потому как страх лишил ее силы, так нужной в сей час каждой роженице.

Князь Всеволод продолжал скакать рядом с кибиткой. Он слышал стенания Анны, и его сердце тоже заходило от боли. Но ему оставалось одно: страдать беспомощно. Иной раз он отвлекался от того, что происходило в кибитке, отъезжал в сторону, окидывал взглядом дружину и видел, что кони идут как должно. И зная, что половцы не в состоянии двигаться быстрее, успокаивался, вновь возвращался к кибитке.

До Киева оставалось четверть поприща, когда из кибитки показалась боярыня Аглая и позвала Всеволода.

– Князь-батюшка, вызволяй из беды, – крикнула она.

В свои тридцать девять лет князь был еще ловок и быстр. Он подлетел к кибитке и перемахнул с коня на козлы к вознице, с них нырнул вовнутрь.

– Государь, родимый, помоги мне, – услышал он хриплый зов княгини.

– Князь-батюшка, возьми ее за руки, дай вместе с нею волю дитю, – подсказала Аглая.

Он подобрался к Анне, взял ее руки и принялся водить ими по животу, нажимая все сильнее и сильнее, вкладывая в руки Анны всю свою мощь. Всеволод близко приник к лицу Анны и повторял:

– Все будет лепно, лебедушка! Мукам уже конец!

Анна отозвалась на ласку, страх улетучился, она поверила, что все будет хорошо. Ноги ее развернулись до предела, лоно разверзлось, и показалась головка дитя. Аглая подложила под нее свои руки. Из лона что-то текло, может быть, кровь, но дитя уже выходило свободно. Вот только пуповина связывала его с матерью, но Фрося ее ловко перевязала и обрезала. Еще мгновение – и Анна освободилась от дитя, слабо простонала и устало откинула голову на кошму. Дитя уже покоилось на чистой холстине в руках Аглаи. В кибитке воцарилась тишина, только

стук колес, только топот копыт доносились до чуткого слуха замерших в ожидании детского плача страдальцев. Ан нет, девочка не плакала. Она открыла глазенки и загулькала, загулькала. Но всем показалось, что она засмеялась. И стало жутковато: никто из них не слышал, не знал подобного, чтобы дитя не огласило плачем свое появление на свет Божий. И первой пришла в себя Аглая, крестясь, воскликнула:

– Князь родимый, чудеса-то какие! Она смеется! Ой, страсти нас ждут!

– Да пусть смеется, – избавившись от оторопи, ответил Всеволод. – Знать, тому причина.

И совсем немного прошло времени, как «причина», по мнению Всеволода, проявилась. В тот миг, когда княжна Евпраксия появилась на свет, половецкая орда прекратила преследование дружины Всеволода и повернула на Чернигов. Князь еще и кибитку не покинул, как из хвоста дружины примчался тысяцкий Ивор, спросил у воинов, где князь, и, подскакав к кибитке, крикнул:

– Княже, орда отстала и повернула к Чернигову!

Всеволод выбрался из кибитки, взял за повод коня, ухватился за гриву и перемахнул в седло, спросил Ивора:

– А дозоры идут за ордой?

– Идут, княже!

– Но останавливаться нельзя, мы идем на Киев.

Всеволод знал: половцы коварны. И то, что они прекратили преследовать переяславскую дружину, не давало повода успокоиться и забыть о враге. И дружина продолжала путь к стольному граду, дабы вместе с великим князем Изяславом прийти на помощь Чернигову, где княжил их брат Святослав.

Глава вторая

Маркграфы Штаденские

Маркграф Нордмарки Удон Штаденский, один из самых могущественных и богатых графов Саксонского дома Германии, был к тому же и прозорливым политиком. Складывая в целое разные мелкие события конца XI века, он пришел к выводу о том, что совсем скоро, может быть даже в последнее десятилетие века, начнется распад великой Римско-Германской империи. И виной тому окажется император Генрих IV. Все северные князья Германии были им недовольны за военные поборы и неудачи в войнах, горожане ненавидели его за непосильные налоги, за то, что силой забирал в войско всех мужчин. С Италией Генрих находился в постоянной вражде, и там главным врагом его был папа римский Григорий VII.

Однако маркграф Удон не особо утруждался тщетными размышлениями о судьбах державы. Он пытался разобраться в личных делах своей жизни. Еще полный сил и здоровья, деятельный, он был страшно недоволен своим наследником, старшим сыном Генрихом. И вот уже какой год он занимался воспитанием будущего маркграфа Нордмарки. Озабоченность отца была неслучайной. Его старший сын, которому миновало уже шестнадцать лет, появился на свет болезненным, недоразвитым ребенком. Подрастая, он все больше внушал опасения, что так и останется убогим. Щеки его никогда не украшал румянец, впалая грудь не позволяла расправить плечи. Он с детства был сутул и походил на старца, был малоподвижен, не любил бегать, потому что быстро утомлялся. Ноги у него были тонкие и до сих пор оставались журавлиными. Однако после десяти лет юный маркграф удивлял всех, кто хоть однажды увидел его. У него сложилось покоряющей красоты ангельское лицо. Ласковые голубые глаза, нежные, красиво очерченные губы, мягкий овал лица, прямой нос, золотистые локоны, ниспадающие на плечи, – все покоряло. Родные и близкие умилялись лицом Генриха. И лишь отец оставался недоволен им, а случалось, когда он ненавидел это ангельское лицо. Маркграфу Удону хотелось видеть сына сильным и смелым рыцарем, побеждающим в турнирах. Но увы, об этом отцу оставалось только мечтать.

И все-таки маркграф Удон мог бы гордиться сыном, хотя бы потому что Генрих рос умным и очень способным к наукам отроком. Он без особых усилий со стороны взрослых в шесть лет научился читать и писать. В семилетнем возрасте увлекся латынью и через два года читал книги по истории Древнего Рима. Он охотно читал священные писания о житии святых, сам писал хронику текущей жизни. Со временем это дарование сына тоже стало пугать отца. Он не мог допустить, чтобы его наследник избрал себе путь священнослужителя. И лишь только Генриху исполнилось двенадцать лет, как отец отлучил его от всяких книжных занятий и взялся воспитывать в рыцарском духе. Вместо стила он вложил в руки отрока меч и сам обучал владеть этим рыцарским оружием. Но было похоже, что все потуги отца окажутся напрасными. Любой крестьянский мальчишка мог справиться с юным графом с помощью палки, которой гонял по лугам гусей. Маркграф приходил в отчаяние, а порою в ярость, которой был подвержен. Он кричал на сына, и глаза его метали молнии. Но, видя, что отрок лишь смиренно смотрит на него и начинает дрожать от страха, Удон убегал со двора в замок и там набрасывался с упреками на мать Генриха графиню Гедвигу.

– Подумать только, такая сильная женщина, а родила какого-то журавленка! Я его видеть не могу, он меня бесит! Род Штаденов с ним прекратится!

Графиня Гедвига не всегда терпела напрасные упреки и выпускала коготки.

– Зачем ты меня выбрал? Мы с тобой родня в четвертом колене. Вот и пожинай увядание рода.

– Что ты говоришь напраслину? А Людигер Удо, этот будущий победитель турниров, разве не наш сын?

Маркграф безнадежно махал рукой, уходил в трапезную, там выпивал кубок рейнского и взбодренный возвращался на плац, где в это время с Генрихом занимался старый слуга и бывалый воин Карл. Маркграф спрашивал его:

– Скажи мне, верный Карл, преуспее ли когда-нибудь наш журавленок в военной справе?

– Ваша светлость, ваш сын во всем преуспее, когда придет час, – довольно уверенно отвечал Карл.

– Я поверю тебе, когда увижу хоть что-нибудь из рыцарских задатков Длинного. Учи его, учи, старый лентяй! – И Удон садился на большое, грубой работы кресло под деревом, нацеливал свирепые глаза на сына и нетерпеливо ждал, когда тот поднимет меч.

Но Генрих, который стоял в девяти шагах от отца, вместо того, чтобы заняться с Карлом фехтованием, взялся ковырять мечом землю между камнями. Увидев такое кошунство над святым оружием графа Экберта, доставшимся Удону в наследство, он потерял над собой власть.

– Защищайся, негодный мальчишка! – И, обнажив меч, грозно двинулся на сына.

Однако Генриха грудью защитил отважный Карл.

– Ваша светлость, помилуйте! Дайте нам срок, и мы будем биться на равных с любым рыцарем!

Маркграф закрипел зубами и убрал меч в ножны. Он слишком дорожил своей честью, чтобы размахивать в гневе мечом перед отроком. Покидая плац с низко опущенной головой от тяжелого разочарования в старшем сыне, он вспомнил о младшем Людигере Удо, и на сердце стало еще тяжелей. Людигер подрастал при матери Удона графине Иде. Отдали его на воспитание бабушке не случайно, а по ее жесткому требованию. Лет пять назад старая женщина сказала:

– Вы, Штаденцы, получите в наследство мое состояние, замок и земли только в том случае, ежели внук мой Удо вырастет при мне.

Маркграф Удон было взбунтовался. Но мать уладила его:

– Ты забыл, что у меня есть еще внучка? Все ей оставлю, ежели не будет по-моему. А теперь уходи, неблагодарный, с моих глаз.

Удон хорошо знал свою мать. В гневе она была неукротима, и сам он унаследовал ее норов до предела. И маркграф смирился с требованием матери, отправил любимого сына Людигера в замок Экберт.

Наступил 1080 год. Маркграф Штаденский с отчаянием признался в поражении: ему не удалось воспитать из тщедушного Генриха отважного рыцаря. И Удон решился на другую крайность. Он счел, что для сына нужно найти сильной крови невесту. «О, если я найду ему хорошую самку, потомство будет достойным имени графов Штаденских», – часто повторял Удон. Однако и этой цели Удону не удалось достичь. Сколько он не перебирал имен известных ему князей, графов, ни у кого из них не было дочери, достойной стать женою его сына, ни одна не давала надежды на сильное потомство. А ежели у кого и подрастала крепкая девочка, то по канонам веры брак с нею мог быть осужден, как греховный, ведущий к кровосмешению.

Как бы потекла далее судьба будущего маркграфа Генриха, никто не мог предсказать, если бы не счастливый случай, как показалось Удону. На Рождество Христово приехала в замок Штаден вдова великого князя всея Руси Святослава Ярославича княгиня Ода. После смерти мужа она через год вернулась из Киева в Гамбург и там в родовом замке жила с сыном Вартеславом в уединении. Маркграфу Удону Ода приходилась дальней родственницей. Встречались княгиня и маркграф редко, как вспоминал Удон, всего несколько раз до замужества и однажды, когда она овдовела и вернулась на родину. Удон не испытывал к Оде нежных родственных чувств. А последнее время даже завидовал, когда узнал, что, покидая Киев, Ода увезла оттуда

много драгоценностей и золота. Все это, говорили, составляло несметное богатство. Добавляли к сказанному, будто бы княгиня Ода столько же закопала в каком-то селении под Киевом, то ли в Берестове, то ли в Василькове. Однако зависть Удона погасла, когда на Рождество Христово Ода преподнесла ему, как он скажет потом, бесценный подарок.

Княгиня Ода, дочь графа Липпольда Штаденского и графини Эльсторн, племянница императора Генриха III по отцу и папы римского Льва IX по матери, была неутомимая, смелая и умная женщина. Ей было около пятидесяти лет, а она жила по законам двадцатилетней девицы. Появившись в Штадене и увидев своего племянника Генриха, она по-русски запричитала:

– Господи, какой же ты болезненный да хилый! Что с тобой делать, как силушкой налить, как выпрямить? – Ода помяла косточки Генриха в своих крепких объятиях. – Нет, нет, таким тебе быть не должно. – И спросила маркграфа: – Братец любезный, искал ли ты своему чаду невесту в восточных землях?

– В каких землях? В Польше, в Богемии? Нет, не искал, – ответил Удон.

– Господи, какие Польша, Богемия! – рассердилась Ода. – На великой Руси – вот где есть невесты для Генриха!

– И кто они, дворовые девки? – в сердцах спросил Удон, потому как бесцеремонность Оды ему не понравилась.

– Однако и дворовые девицы там хороши. Да я твоему наследнику княжну посоветую засватать.

– Княжну? Ну говори, – миролюбиво ответил Удон.

– Истинно княжну. И дочь великого князя к тому же.

– Она не уродина, не перезрелая дева?

– Окстись, братец! – чисто по-русски ответила Ода.

– Ну так поведай! Да садитесь все к столу. И ты, сын, садись, – распорядился Удон. Как все уселись, сказал: – Слушаем тебя, княгиня Ода.

– Она еще отроковица, предпоследнее дитя князя Всеволода и княгини Анны, внучка великого князя Ярослава Мудрого.

– Но чем она тебя удивила? – спросила графиня Гедвига, зная излишнюю восторженность Оды.

– О боже! Она огонь и соловей, и ангел, и бесенок, и умная головушка! Всего в ней вдоволь, потому и удивляет. Ей тринадцать лет, и если мы ее привезем и год-другой она обвыкнется, речь нашу познает, тогда, – Ода захлопала в ладоши, – тогда, как на Руси, мы будем кричать жениху и невесте «Горько!».

– Остановись, Ода, остановись! – потребовал Удон. – Лучше скажи толком: сколько у великого князя сынов, дочерей?

– Еще две дочери и два сына. Но княжата, думаю, вас не волнуют, а дочери... Старшая Анна-Янка была просватана за византийского царевича Константина. Они многожды виделись в Киеве, полюбили друг друга, но когда после сговора он вернулся в Константинополь, его насильно постригли в монахи. А средняя дочь замужем тоже за византийским царевичем. Вот и все.

– Крепко ли сидит на троне князь Всеволод? – спросил Удон.

– Он будет царствовать до заката дней.

– И что же ты посоветуешь делать? – спросила Гедвига.

– Я бы узнала, что думает о том ваш сын.

– Ну полно, полно. Сыну должно слушать и соглашаться с нами, – заметил маркграф и спросил супругу: – Не так ли я мыслю, дорогая?

– Ты всегда прав, государь, – ответила Гедвига. – Но если бы Генриха и спросили, он согласился бы с нашей о нем заботой.

– Я выражаю тебе, Ода, великую благодарность. А теперь подумаем о сватовстве. Русь ведь очень далеко от нас, – размышлял Удон.

Имея в своем характере военную косточку и будучи нетерпелив, он приказал своим придворным готовиться в дальний путь, дабы кто-то другой не опередил его на пути к здоровой и богатой невесте. Удон счел, что ему самому следует ехать на Русь. И сын должен быть при нем. Только так, считал он, удастся без проволочек заключить брачный союз с великим князем россов. И только лично можно будет поторговаться за приданое, потому как в другом случае князь может и обмануть.

Однако сборы в путешествие не протекали гладко. И причиной тому оказался император Генрих IV. Сказывали потом, что все случилось из-за болезненной заносчивости маркграфа Удона. Еще в первый день сборов в дорогу княгиня Ода сказала ему:

– Ты бы, братец, послал своего духовного отца к епископу в Гамбург за благословением. Дело мы затеяли непростое, невеста православная, и тут могут возникнуть всякие препоны.

– Полно, сестрица, в том нет надобности. Привезем невесту, а там и решим, быть ли ей в католичестве. Да и не пристало мне кланяться преподобному Рейберну. Он во главе гамбургского епископата моими заботами. Как скажу, так и будет.

– Я тебя предупредила, а ты смотри не обмишулся, – скрепя сердце согласилась Ода.

Слухи о сборах маркграфа Удона на Русь какими-то путями все-таки дошли до епископа Рейберна. Он же, давно избавившись от зависимости маркграфа Штаденского и верно служа императору, а еще по заведенному церковной властью уставу, поспешил в Кельн и посвятил в это событие Климента III, когда-то избранного волею императора в папы римские. Бывший граф Риберто из Пармы, как духовный отец императора, Климент не мог утаить от него столь важную новость. Он не мешкая явился во дворец и все поведал о замыслах маркграфа Штаденского Генриху IV и добавил свои размышления по этому поводу.

– Ныне, ваше императорское величество, католическая церковь пребывает в противостоянии с православным арианством. Потому спрашиваю вас, государь: нужен ли сей брак Германской империи?

Генрих, однако, удивился, почему таким вопросом его озадачил антипапа Климент III. Ведь это папа римский Григорий VII был во вражде с греческим патриархом. Сам же Климент III должен искать дружбы с иерархами великой Руси. Ведь это хороший козырь вновь сесть на престол в Риме. И он сказал:

– Мне кажется, святейший, брачный союз с великокняжеским домом Руси для Германии во благо. Вот только кому быть супругом княжны россов, о том надо подумать. – Генрих так и поступил, задумался над возможностью заполучить в Германию богатую невесту. И, будучи человеком особого нрава, дерзнул поставить на место жениха себя. Хотя он и был женат и два сына у него поднимались, но он счел, что при благоприятных обстоятельствах может посвататься и просить у великого князя руки его дочери. Стоило ему только вновь заявить о своих претензиях и добиться от папы римского благословения на то, чего жаждал уже несколько лет. А жаждал он развода с императрицей Бертой, которую никогда не любил. Однако своему духовному отцу об этих размышлениях он не обмолвился ни одним словом. Тому были особые причины.

Бывший граф, а позже архиепископ Риберто из Пармы только благодаря Генриху IV был однажды избран папой римским. И хотя его избрание сочли незаконным и на престол в Риме вознесли папу Григория VII, Климент не снял тиары и опять-таки благодаря поддержке императора открыл церковный двор в Равене. Озадачив императора вопросом, Климент остался доволен его ответом. Да, Германии нужны светский и церковный союзы с великой восточной державой. Сказал:

– Я надеялся на твою мудрость, государь. Потому нам остается подумать: дозволим ли мы маркграфу Удону добиваться расположения великого князя Руси или ты доверишь мне встре-

титься с ним и с иерархами русской церкви. Думаю, мне придется назвать князю Всеволоду имя более достойного супруга.

– Ты, святейший, размышляешь достойно. Мы должны заставить маркиграфа отказаться от поездки на Русь и от желания заполучить в невесты княжну россов. Потому в Штаден отправится человек, равный Удону. – Генрих по важной причине не назвал имени маркиграфа Деди Саксонского. Но именно ему он хотел поручить нелегкое дело в Штадене. – Тебя же, святейший, прошу пока все держать в тайне.

В этот же день у Генриха была короткая беседа с маркиграфом Деди. О чем они говорили, никто не знал, но поздним вечером маркиграф в сопровождении небольшого отряда воинов покинул Кельн.

Когда-то в юности Деди и Удон были друзьями. Оба служили при дворе императора и даже вместе ухаживали за графиней Сузской Гедвигой. Дело дошло до сватовства, но никто из них по доброй воле не хотел отказаться от юной красавицы. Между влюбленными был поединок, победу одержал граф Удон. Он проявил благородство, сохранил жизнь Деди, но приобрел себе заклятого врага. Деди не мог простить Удону ни потери любимой, ни своего поражения в схватке, ни милости Удона к себе. Император знал о бывших друзьях все. И теперь, посылая Деди в Штаден, надеялся, что они завершат свое многолетнее противостояние в его пользу. В своей прозорливости Генрих IV не ошибся.

Искусному в различных переговорах маркиграфу Деди на сей раз не удалось добиться желательного успеха. Он все-таки, отправляясь в Штаден, надеялся мирно упротребить Удона отказаться от княжны россов. Но само появление Деди в замке Удона привело последнего в ярость.

– Как он смел появиться здесь? – кричал на камергера барона Саксона маркиграф. – Вели ему убираться!

– Но, ваше высочество, он со словом императора, – возразил камергер.

– К черту! Не хочу лживых слов ни от кого! – бушевал Удон.

Однако, пока хозяин Штадена распалял себя на бароне Саксоне, маркиграф Деди явился в залу, предстал перед Удоном.

– Ваша светлость, ты, как и прежде, любезен выше похвал. И все-таки тебе придется меня выслушать, – заявил Деди.

– И не подумаю! Все сказанное тобою будет лживо.

– Вот уж нет. – И, продвигаясь к своей цели, Деди, явно издеваясь над Удоном, сказал: – Наш император требует от тебя всего лишь отказаться совать свой нос к россам. Стало известно государю, что ты намерен свататься к великому князю, так Генрих сие запрещает тебе.

– Что?! – в яростном гневе крикнул Удон. – Мне, маркиграфу Нордмарки, он грозит запретом! Ну так пусть Рыжебородый Сатир догадается, каков мой ответ! – Удон повернулся к стене и схватил висящий на ней меч. – Защищайся! Или я сей же миг снесу тебе голову!

– Не надо пугать, старый козел! Я и сам умею бодаться! – И Деди извлек меч. – У меня больше желания проткнуть тебя!

– Меня – проткнуть! Ах ты винная бочка!

И маркиграфы схватились. Зазвенела сталь. Они долго гоняли друг друга по залу. Удон был по-прежнему искуснее Деди, он теснил его в угол и, загнав туда, нанес колющий удар в правое плечо. Однако богатыря Деди трудно было свалить легким уколом. Он ударил по мечу Удона, ринулся в «пролом» и нанес ему сильный удар в грудь. Удон перегнулся и медленно осел на пол. Он был жив, и Деди сказал ему:

– Надеюсь, теперь ты не помчишься на Русь, – с тем и покинул замок.

Рана оказалась смертельной. Как ни пытались лекари, коих привезли из Гамбурга, спасти Удона, им это не удалось, и через неделю, в первых числах марта, маркиграф Нордмарки Удон

Штаденский скончался. Северные князья пытались обвинить фаворита Генриха в убийстве Удона, но свидетель их поединка барон Саксон опроверг это обвинение.

– Ему бы сдержаться и исполнить волю императора, но он поднял меч, – сказал в день похорон барон Саксон в кругу близких маркграфа.

Вскоре же после похорон Удона вдова графиня Гедвига и княгиня Ода отважились исполнить волю покойного и тайно отправили на Русь посланников, а с ними и Генриха, дабы они привезли невесту. Все заботы по сборам в путешествие княгиня Ода взяла на себя, а чтобы дальняя дорога оказалась удачной, Ода отправила в Киев вместе с посланниками своего сына Вартеслава. И в первых числах апреля двадцать всадников и два дорожных дормеза ночью покинули Штаден и умчали в далекий Киев.

Станным было при этом поведение юного маркграфа Генриха. Или смерть отца на него сильно повлияла, или что-то другое, но он оставался ко всему безучастным. Все протекало помимо его воли и словно бы не касалось его. Он не обижался на то, что даже теперь, когда он вступил в наследство всего достояния отца, с ним обращались как с малым ребенком. И может быть, по этой причине он думал о будущей невесте как о каком-то призрачном существе. И он давно забыл, что о ней говорила тетушка Ода. Большую часть пути он проводил в дормезе и даже редко встречался с Вартеславом.

Сын княгини Оды, князь Вартеслав, был лишь на год старше Генриха – разница пустяковая, но он уже казался настоящим воином, способным сразиться с любым врагом. Он лихо скакал на коне, крепко держал в руках меч и копьё, метко стрелял из лука. Когда Вартеслав и Генрих стояли рядом, то сходство у них было в одном: оба белокурые и голубоглазые. Наверное, в том и другом сказывалось влияние славянской крови. Ведь один из Штаденов в роду Генриха был выходцем из Великого Новгорода, а Вартеслав был сыном киевлянина. Во всем остальном они были прямой противоположностью. Вартеслав широк в плечах, прям как свеча, подвижен и ловок. Сильная кровь Святослава и Оды дала крепкий плод. Генрих проигрывал брату во всем и, может быть, по этой причине сторонился его. Вартеслав не докучал Генриху. Если они были в пути, то князь днями не покидал седла. Он уже один раз прошел этим путем и гордился тем, что мог вести отряд не сбиваясь с дороги. Он вел спутников по мирным землям. В Венгрии и Польше у него были родственники. И как-то он сказал Генриху:

– Нам везде окажут честь и теплый прием. В этих державах знают моего батюшку и помнят деда Ярослава Мудрого. Нам и в Норвегии, и в Швеции будут рады, ежели судьба занесет.

Генрих отмалчивался. После смерти отца он не выходил из угнетенного состояния. Не зная отношений отца с маркграфом Деди, он лишь догадывался, что они сошлись в поединке не случайно и что виною тому прежде всего император. Маркграф часто сетовал: «Батюшка, зачем ты покинул нас?» И у Генриха было основание сетовать и печалиться. Не осталось у него в роду личности, которая бы восполнила утрату. Маркграфа Нордмарки Удона уважали все северные князья Германии. Будут ли они уважать его, Генриха, он того не ведал. Юный маркграф понимал свое назначение: продолжать и укреплять династию Штаденов. Но с горечью приходил к мысли о том, что ни то ни другое ему не дано. Знал он, что юноши в его годы уже умели утолять жажду плоти. Он же ощущал себя пустым сосудом, в коем не было никакого брожения человеческих страстей. Он даже представить не мог своего поведения, когда вдруг окажется супругом юной, горячей особы, какою – это он вспомнил, наконец, – ее рисовала огневая тетушка Ода. Иной раз к нему приходила дерзкая мысль: сбиться с пути и исчезнуть где-нибудь в глухом монастыре, надеть монашескую сутану. Однако на пути к исполнению этого желания стояла мать, единственная его любовь. Знал он, что и она любит его всем сердцем. Потому он никогда не отважится чем-либо огорчить ее, принести горе. Что ж, решил Генрих, он женится ради матушки и будет достойно нести супружеский крест.

С такими мыслями, не замечая красот окружающего его весеннего мира, юный маркграф Генрих добрался до Киева, дабы встретиться со своей будущей женой, княжной Евпраксией,

которой в эту пору пошел четырнадцатый год. И все-таки Генрих боялся встречи с огневой девицей. Хотя тетушка Ода и выдавала княжне похвалу в добродетелях, а для Генриха сие оборачивалось угрозой его будущей размеренной и созерцательной жизни.

Однако юному маркграфу нельзя было отказать в уме и даже в изворотливости одного. Еще не повидав будущую невесту, он нашел путь, как избавиться от ее докучливости. Генрих был убежден, что вправе распорядиться судьбой невесты, ежели помолвка состоится и он увезет ее в Германию. С такими побуждениями и появился маркграф Штаденский в стольном граде Киеве.

Глава третья

Туман

Много гроз отшумело за минувшие тринадцать лет над Киевской Русью, много воды утекло в Днепре с той поры, как в половецкой кибитке появилась на свет озаренная улыбкой княжна Евпраксия. По воле судьбы ее отец Всеволод еще шесть лет княжил в Переяславле. А после смерти брата, князя Святослава, получил в удел некогда принадлежавшее ему Черниговское княжество и мирно правил там на благо черниговцев два года. И вся жизнь на Руси протекала мирно, пока не вошел в силу и не ощутил себя обездоленным и обкраденным своими дядьями князь Олег, старший сын Святослава. Собрав в Тмутаракани сильную дружину, позвав в союзники половцев, князь Олег поднял мятеж против великого князя Изяслава и князя Всеволода, который якобы получил в удел Черниговское княжество вопреки Божьей воле и его, Олегову, желанию, и отправился освобождать Чернигов. Коварное нападение Олега застало Всеволода врасплох. Он сумел собрать лишь малую дружину и выступил вместе с сыном Владимиром Мономахом против Олега и половцев. Но был наголову разбит в сече на реке Сожице. Всеволод бежал с семьей в Киев и пришел на поклон к старшему брату, великому князю Изяславу.

– Пособи, батюшка, избавиться от дерзкого Олега и половцев.

Изяслав, зная коварство Олега, испугался, что с ним придут на Русь многие беды, и согласился выступить против братенича, наказать его за дерзость и непочтение старших.

И братья Ярославичи двинулись с сильной ратью к Чернигову, встретились с воинами Олега и с половцами на Нежатной ниве близ Сожицы. В упорном сражении они одолели рать Олега и орду половцев, прогнали их с черниговской земли. Но в этой жестокой сече пал от вражеской руки великий князь Изяслав. О славном и добром князе печалилась вся Русь. Престол переходил к старшему сыну Изяслава Ярополку. Но благородный молодой князь отказался от великого княжения в пользу своего дяди князя Всеволода.

С тяжелым сердцем вступил на престол князь Всеволод. Его одолевала мучительная страсть. Он хотел, чтобы державу не терзали междоусобные брани. И Всеволод добился своего добротой помыслов и дел. Русь, как и при его батюшке Ярославе Мудром, не знала потрясений и процветала. Всеволод по примеру отца много занимался державным устройством, а все военные заботы по отражению иноземных врагов поручил своему способному и отважному воеводе – сыну Владимиру Мономаху, коему в эту пору миновало двадцать пять лет.

В эти мирные годы и подрастала княжна Евпраксия. Сказывали, что Всевышний подарил Евпраксии достойное ее имени занятие – благодетельство. И она тянулась к этому прилежно и с радостью. Она любила движение и, подрастая, не знала покоя, обо всех заботилась. Лишь только кто заболит в княжеских палатах, Евпраксия уже тут как тут. То мазями кого-то растирает, то настоями из трав поит, какие матушка приготовила по заветам иранки Осаны. Перед самым появлением послов из Германии князь Всеволод простыл на пути из Чернигова в Киев, в поясице разогнуться не мог. Так Анна вместе с доченькой взялись его лечить. Их чуткие руки нашли замершие от холода позвонки и оживили их, дали им новую жизнь. Да и ко времени.

Примчали гонцы с западных порубежных земель с вестью о том, что в Киев идет германское посольство, а цели его гонцы не проведали. Великий князь два дня голову ломал: какая нужда у германцев возникла, чтобы на Русь послов отправлять? Да прежде всего подумал, что вдовствующая княгиня Ода надумала вернуться в Киев, за милостью послов гонит. Этой бойкой вдовице, считал Всеволод, что на ум взбредет, то она и исполнит. Но, в мелочах осуждая Оду, он относился к ней доброжелательно, любил с нею поговорить на ее родном языке. Он же, образованный собеседник, всегда Оде был любезен.

Дальше Оды мысли Всеволода не продвинулись. А о том, что из Германии могли нагрянуть сваты, у него и на уме не было, потому как старшие дочери давно определили свою судьбу, а младшая, Евпраксия, еще не невестилась. В это покойное для великого князя время он часто вспоминал завещание батюшки, который наказывал сыновьям перед кончиной, чтобы пеклись о своих чадах так, как пекся он. И Всеволод усердно выполнял завет Ярослава Мудрого. Он дал образование старшему сыну Владимиру. Оно хорошо помогало ему во многих военных делах, он преуспевал в победах и подвигах. Природный ум и дарование вкупе с науками позволили Мономаху в будущем создать мудрое и достойное великого человека «Поучение», написанное для своих сыновей, но полезное для всех россиян. Дочери Всеволода Анна-Янка и Ефросинья тоже были обучены им достойно. Теперь и младшие дети Всеволода успешно посягали грамоту и науки. Тут и княгиня Анна оказывала князю помощь. Вторая жена Всеволода, по мнению тех, кто не знал ее, была проста и бесталанна. Но все они ошибались, как и летописцы той поры, утверждая, что она была половчанка или куманка. Князь Всеволод был достаточно искушен, чтобы по достоинству выбрать и оценить женщину, кою надумал взять в супруги. Как бы она ни была красива, сие не завлекло бы соединить свою судьбу с полудикой степнячкой. И утверждение о расчете Всеволода породниться с половцами ради мира не имело под собой почвы. Он знал, что никакое родство-кумовство не остановит половцев от набегов на Русь. Их коварство было безгранично. Даже женщины страдали этим. Слово «честь» им было незнакомо. Чего никак нельзя было сказать об Анне. Она дорожила честью, выше всяких похвал. Двадцать три года, прожитые Всеволодом с Анной, показали, что рядом с ним стояла женщина, достойная величия. Киевляне знали ее как добрую и заботливую государыню, их беды были всегда близки ей. Она не держала втуне тайны иранского врачевания и щедро помогала больным и страждущим. А чисто русская, не броская, но нежная красота Анны дополняла ее душевный мир. За все это Всеволод и любил свою «полонянку». И детей, нажитых с Анной, Всеволод любил сильнее, чем Янку и Ефросинью, которые пошли характером в матушку и отличались высокомерием и холодностью. Всем они давали знать, что есть внуки императора Византии Константина Мономаха.

Размышляя о близких, великий князь и в помыслах не мог увидеть какой-либо повод о скором изменении судьбы своей младшей дочери Евпраксии. И в тот час, когда в Киев прибыли германские посланники, Всеволод с дочерью и сыном Ростиславом были в книгохранилище храма Святой Софии. Появление там князя Вартеслава было для Всеволода полной неожиданностью. За прошедшие годы со дня отъезда из Киева Вартеслав возмужал, и было трудно узнать в молодом воине худенького подростка.

– Дядюшка Всеволод, я так спешил увидеть тебя, что не дождался в теремах! – горячо произнес Вартеслав, появившись в дверях.

– Братенич! Экая радость! Да какой ветер тебя занес? – удивился Всеволод. – Я знаю, что к нам идет германское посольство, но о тебе гонцы не передавали.

– Это я не велел им того говорить. А теперь вот удивил тебя, дядюшка. – И Вартеслав низко поклонился великому князю.

Всеволод шагнул к нему и обнял, по спине похлопал.

– Вижу, добрым молодцем поднялся. Теперь подивись на моих молодых. Евпраксия скоро заневестится. И Ростислав крепким молодцем растет.

Вартеслав погладил по плечу Евпраксию, а на большее не отважился. Она улыбнулась, сказала ласково:

– Ах, братец, я ведь не киса. Сколько не виделись. Мог бы и... – Да сама и поцеловала Вартеслава в щеку. – Ты нам любезен.

Когда Вартеслав потискал за плечи одиннадцатилетнего Ростислава, великий князь спросил его:

– С чем пожаловал, братенич? Кто послов привел?

– Так по воле матушки я и привел. А какая справа у них, то особый разговор, князь-батюшка.

Всеволод вспомнил: когда брат Святослав три года стоял великим князем и Ода была при нем, послы из Римско-Германской империи часто навевались к ним. И даже помощь от имени императора предлагали, ежели против Польши нужно будет идти. И вот уже пять лет они и носу не показывали на Русь. А и появились, так не от имени государя, а по воле княгини Оды. Оказия! И Всеволод понял, что ежели намерен что-то узнать от братенича, то должен поговорить с ним с глазу на глаз. Он подумал, что прочие гости подождут, коль главный посланник здесь. Отправив Евпраксию и Ростислава в храм, где шла служба, он сказал Вартеславу:

– Теперь, братенич, поди скажешь, с чем пожаловал. – Всеволод усадил племянника к столу, на котором лежали раскрытые рукописные книги, сам сел напротив.

– Скажу, князь-батюшка, токмо пусть сказанное не будет для тебя громом среди ясного неба.

– Ничего, к грозам привычны. Уж не с матушкой ли твоей что случилось?

– Нет, дядюшка, матушка здравствует и бойка, как молодича.

– Вот и слава богу. Тогда выкладывай.

– Начну издалека. Есть у матушки сродники в германских землях Саксонии. И старшего из них, маркграфа Удона Штаденского, государем величали. Да так и было. Дядюшка Удон стоял вторым вельможей близ императора. Однако нонче весной преставился, и вся полнота власти перешла к старшему сыну Генриху Штаденскому, коему минуло шестнадцать лет. На домашнем совете моя матушка и его, графиня Гедвига, сошлись во мнении, что Генриху пора искать невесту, и матушка посоветовала отправить послов к тебе, дядюшка, и просить, чтобы отдал Генриху дочь свою Евпраксу. Вот и весь сказ.

Громом среди ясного неба исповедь Вартеслава не прозвучала для Всеволода. И все-таки он был удивлен тому, что услышал. Больше того, Вартеслав его озадачил. Было известно ему, что отношения между православной и католической церквями в последнее время стали враждебными. И глава русской церкви митрополит Иоанн не раз с амвона Софийского собора читал поучения – «Церковные правила», в каких он «ревностно осуждал обыкновение Князей Российских выдавать дочерей за Государей Латинской веры». Не хотелось мягкосердому и благочестивому князю идти встреч митрополиту Всея Руси. И потому он не знал, что ответить на услышанное от Вартеслава. Но чтобы не уронить великокняжеского достоинства и не посеять в душе юного посла смятения, сказал:

– То, любезный братенич, присказка к сватовству, а само оно впереди и суть его проявится, как жениха увидим.

– Так я привел его на Русь, дядюшка, – поспешно заявил Вартеслав. – Ждут и жених, и посланцы твоей милости на княжьем дворе.

И вновь Всеволод был озадачен. Коль жених здесь, то предстоит ему и решения принимать однозначные: или с митрополитом остаться в ладу, или послов не лишить надежды. А третьего и не дано. «Ах, Ода, Ода, как ловко все придумала, как бойко все в движение привела», – посетовал Владислав и встал из-за стола.

– Коль так, братенич, иди в терема. Токмо прошу тебя: никому из моих ни слова о том, зачем прибыл на Русь. Ни слова!

– Но почему, дядюшка? – спросил Вартеслав.

– Пока не скажу. И не торопи. А теперь иди, я же в храм зайду. – И князь ушел.

Конец апреля был жарким, солнечным. Все в природе уже пробудилось к новой жизни. Киев утопал в зелени и цветении садов. Германские посланцы в ожидании великого князя сбились в кучку близ гридницы. Их конные воины и возницы с дормезами были отправлены на хозяйственный двор. Маркграф Генрих созерцал великокняжеские палаты. Тут было на что посмотреть. Ярослав Мудрый в последние годы жизни перестроил все подворье. И теперь на

месте деревянных теремов возвышался каменный дворец, украшенный многими диковинными для чужеземца башенками, рустами, маркизами, наличниками из византийских изразцов и мрамора. Маркграф Генрих ценил красоту и, несмотря на юный возраст, понимал в ней толк. Ему нужно было с кем-то поделиться своими впечатлениями, и он заговорил с «прилипшим» к нему от самого Штадена епископом Фриче:

– Ваше преосвященство, посмотрите, как все легко, изящно и весело. Поистине искусные мастера творили сие чудо.

Епископ Фриче не разделил восторга беспечного маркграфа. Он что-то недовольно буркнул и отвернулся от Генриха. Сухое лицо Фриче, его холодные глаза, сжатые в ниточку губы – все выражало крайнее неудовольствие, а в его душе бушевало пламя гнева. Изначально он был недоволен затеей княгини Оды, которая втягивала маркграфа в водоворот страстей и грехопадения, за гранью которых – ересь. Фриче был сторонником папы римского Григория VII, который считал православие кладезью пороков. И согласие сопровождать маркграфа на Русь он дал по одной лишь причине, которая составляла тайну папского двора. Часть своей задачи Фриче уже выполнил. Никто из сторонников антипапы Климента в посольство Генриха не попал, потому как Фриче настоял на том перед матерью его, графиней Гедвигой. Знал он, что антипапа и император ищут дружбы с могущественным восточным соседом. Они даже рассчитывают получить поддержку и помощь в борьбе против престола Римско-католической церкви. И теперь ему надлежало разрубить все пути к этой дружбе. И первым делом он должен был расстроить сговор о помолвке. Как он это сделает, Фриче пока не знал, но уповал на Бога. Однако, не зная тайных замыслов императора, епископ Фриче невольно становился его пособником. Ведь император тоже хотел, чтобы брак маркграфа и княжны не состоялся.

Той порой на княжеском дворе шла большая суета. Важно куда-то спешили бояре, туда-сюда мелькали служилые люди, бегали челядинцы, холопы. Со двора в город укатила колесница, запряженная четверкой серых, в яблоках, лошадей. Чужеземные посланцы чувствовали себя на дворе как-то неуютно, словно о них забыли. К тому же и князь Вартеслав будто сквозь землю провалился. Той порой на дворе появились многие горожане, откровенно глазели на чужеземцев. Самые бойкие из них показывали на маркграфа пальцами и смеялись. Генрих смутился, спросил Фриче:

– Святой отец, как здесь принимают послов? Почему о нас забыли?

Епископ не ответил Генриху, но позвал маркграфского камергера и со злостью сказал ему:

– Барон Вольф, позаботьтесь о его светлости. Идите во дворец и потребуйте внимания.

Молодой барон, крепкий, широкоплечий воин, светловолосый и, как Генрих, голубоглазый, с мечом на поясе, вытянувшись перед епископом четко ответил:

– Все исполню, как приказано! – и поспешил к Красному крыльцу.

В это время на княжий двор въехал Вартеслав, спешил. Увидев барона Вольфа, крикнул ему:

– Вольф, подойди ко мне!

Барон подбежал к князю.

– Ну что, терпение потеряли? А напрасно. На этом дворе видели императорских послов, и они днями ждали своего часа, дабы встретиться с великим князем. Знай: так принято.

К Вартеславу подошел молодой боярин из придворных князя, сказал:

– Ты, княже Вартеслав, веди послов в баню. Сам знаешь устав. А как помоются да отдохнут с дороги, там и позовем узреть великого князя.

Вартеслав знал обычаи великокняжеского двора, согласился:

– И я о том им сказал, боярин Василько. – И направился к посланцам. По пути крикнул на любопытных: – Что рты раззявили! Вот я вас плетью ожгу!

Вартеслав не показал виду ни маркграфу, ни его спутникам, что встреча с великим князем оказалась не такой, на какую надеялся. Понял он, что дядюшка в том неповинен и гнетет его нечто неподвластное ему. Знал же молодой князь, что и он ощущает на своих плечах тяжесть какой-то скрытной силы. Вон как смотрит на него епископ Фриче. И весь путь от Гамбурга до Киева держал молодого князя под прицелом своих свинцовых глаз. А зачем? Его матушка прожила на Руси многие годы, а ведь никто не попрекнул ее за то, что она была католичкой. «Господи, что же делать? Я не хочу, чтобы мое посольство обернулось неудачей. К тому же и Евпракса нужна Генриху. Только она вдохнет в него жажду жизни», – размышлял князь, одолевая всего-то пятьдесят сажен по княжьему двору, столь близкому с детства.

В этот день князь Всеволод вовсе не появился в своих палатах. Потому и не позвали иноземцев ни на трапезу, ни на беседу. Отправив на княжий двор Вартеслава, он следом же послал туда расторопного стремennого Власа, наказал ему передать дворецкому, чтобы послов держали в чести и холе. А как прикатила колесница, усадил в нее Евпраксию и Ростислава и укатил с ними в великокняжескую вотчину Вышгород. Туда же велел приехать митрополиту Иоанну, с которым у него предстоял трудный разговор. Трудный потому, что Иоанн был родом грек и занимал престол церкви не по воле русичей, а вопреки. Он был прислан из Царьграда лет десять тому назад, как раз в ту пору, когда вражда между Римом и Царьградом готова была разрешиться небывалым кровопролитием. Тогда папа римский Александр II грозился поднять на Константинополь всю Римско-Германскую империю и проч Европу и добиться признания главенства в христианском мире Римской церкви и его, наместника Иисуса Христа, власти. Но объединить усилия всех католиков Европы против православных христиан Византии, Киевской Руси и других государств папе Александру II помешал антипапа Гонорий II, ярый противник Александра II и конклава кардиналов.

Однако и в Константинополе угрозы Рима никого не испугали. Там были уверены, что православный христианский мир под защитой самого Вседержителя.

И все главы поместных церквей, поставленных Константинополем, строго следили за тем, чтобы ничто не нарушило сплоченности православия. Одним из самых рьяных защитников единства православия был митрополит Иоанн. По мнению князя Всеволода, этот архиерей жизни не пощадит, дабы не допустить раскол в православном христианском мире. И теперь, когда посланцы из Германии, а с ними и жених прибыли в Киев свататься за его дочь, Всеволоду было над чем задуматься. Он еще не решил, отдаст ли Евпраксию за маркграфа, но был склонен к тому, чтобы выдать ее замуж за кого-либо из княжеских или королевских особ Запада.

Митрополит Иоанн появился в Вышгороде на вечерней заре. Знал Всеволод, что служба закончилась давно и он мог бы приехать раньше. Ан пренебрег просьбой князя. Вид у него был суровый, черные глаза смотрели на князя хмуро. Появившись перед великим князем в трапезной, он вполруки благословил Всеволода, нечто буркнул и спросил:

– Сын мой, какой службы ты просишь от меня?

Князь Всеволод, пока ждал митрополита, о многом передумал и настроился решительно постоять за свою великокняжескую власть, не отдавать ее на поправление священнослужителю, но попросить его не затевать ссоры, не глаголить всуе великокняжеское имя с амвонов храмов, как запятнавшего честь православия. «Того не будет», – решил Всеволод и ответил митрополиту:

– Отче владыко, служи токмо во имя великой Руси. Я же хочу от тебя малого. Исполкон государи державы были вольны в своих деяниях. Я прошу у тебя совета. Пришли к нам в стольный град послы иноземные из Германской империи, ведаю, что хотят просить руки моей дочери Евпраксии. Я же готов отдать ее, ежели ей будет любезен жених. Вот и подумаем вместе, как все свершить без ущерба нашей вере.

– Скажу, сын мой, что ты волен в своих деяниях, ежели их благословляет Господь Бог. А поскольку ты позвал меня, то в тебе живет сомнение о благословении Божьем. Как же я могу давать совет вопреки воле Всевышнего?

Иоанн сел к столу и взялся вкушать пищу. Ел споро, меду крепкого выпил. Всеволод не раз замечал, что святой отец страдал чревоугодием. «Да и пусть его, коль впрок», – отмахнулся князь. Он не хотел обострять отношения с митрополитом. Сказал миролюбиво:

– Знать, в молитве был не усерден, ежели Господь не услышал меня. Ты же слуга Божий, вот и ободри своего князя.

Управившись с куском говядины, митрополит вновь не внял просьбе Всеволода. А выпив кубок медовухи, жестко сказал:

– Не нахожу слов ободрения, сын мой. Ныне ты дочь свою извратникам веры христианской отдаешь, а завтра под костел им землю бросишь. Как православию не быть поруганным?

Не стерпел великий князь сказанного. И углубил между собой и митрополитом. Да не пожалел о том.

– Я живу по законам моих отцов и дедов. Тебе, греку, того не понять, а должен бы, коль служишь на Руси.

Разговор с митрополитом все больше походил на баталию. Иоанн, защищая интересы Византии, стоял на своем. Всеволод, отстаивая право великих князей на вольное от церкви управление державой, ее политикой, ее достоянием, упорно защищал древние устои. Исчерпав все доводы, Всеволод сказал последнее:

– Коль так, отче владыко, завтра же соберу думу и вече. Их приговор и будет законом.

Всеволод умел в роковой час проявить мужество и смелость перед лицом любой опасности. Так уж он был воспитан своим батюшкой Ярославом Мудрым. И митрополит Иоанн понял, что никакими увещаниями и никаким противостоянием ему не одолеть великого князя, думу и вече, которые стояли за ним. Расправившись с половиной дрофы и запив ее кубком медовухи, Иоанн встал и смиренно сказал:

– В тебе, сын мой, живет истинное величие державного государя. Аминь. – Он откланялся и покинул трапезную, вышел из палат. На дворе стояла его колесница, он сел в нее и велел вознице катить в Киев.

Князь еще посидел некоторое время в одиночестве, бороду пощипал, оценивая с разных сторон беседу с митрополитом и, придя к выводу, что владыко все-таки не прав, протестуя против великокняжеских уставов, поднялся из-за стола и медленно направился в светлицу к дочери Евпраксии. Теперь он должен был сказать ей о тех переменах в ее судьбе, кои ждут ее, ежели ей приглянется жених.

Княжна и княжич играли в какую-то игру, кою сами и придумали. Они весело смеялись, кричали, бегали по покою. Когда же на пороге появился отец, замерли и вместе поклонились ему.

– Батюшка, не вини нас, что резвились, – сказала Евпраксия. – Занятно было.

Всеволод подошел к Ростиславу, коснулся его густых русых волос.

– Иди, сынок, спать, а у нас тут важная справа.

Ростислав ушел. Князь сел у окна на скамью, застеленную алым бархатом. Солнце уже садилось за дальним лесом. Его низкие лучи через венецианское стекло заливали светлицу розовым светом. Евпраксия стояла напротив отца, вся освещенная солнцем. Большие серые, как у матушки, глаза играли помимо ее воли, на розовых губах застыла улыбка. Руки ее теребили косу, которая лежала на груди, уже обозначающей девичью прелесть.

– Слушай батюшку со вниманием, отроковица. Почему я увез тебя из Киева? Да потому что Вартеслав привез в стольный град послов германских и жениха с ними кровей королевских, именем маркграфа Генриха. Вот и хочу знать, родимая, как ты исполнишь волю батюшки?

Краски на лице Евпраксии поугасли, и она покорно ответила:

– Мне ли тебе перечить, батюшка. Только ведь я недовлетка и в семьеюшки не гоюсь.

– Верно. Да подрастешь до венчания. Так уж ноне в Европах принято.

– Глянуть бы глазком, батюшка, кому служить буду.

– Глянешь. И приневоливать не сочту нужным, коль душа лик его не примет. Ведомо мне, что за жизнь с несердешным.

– Родимый батюшка, вечно молю Бога за твое милосердие ко мне. Я же токмо любовью могу отплатить тебе. – И Евпраксия шагнула к отцу, опустила на колени, припала грудью к его ногам. Но смотрела на отца по-прежнему весело играющими глазами.

«Господи, ты и на смертном одре останешься горящей свечой», – подумал Всеволод и приласкал дочь.

В Киев они вернулись уже в густых сумерках майского вечера. На теремном дворе было пустынно. Лишь стражи несли службу да двое княжих мужей то ли ждали великого князя, то ли праздно вкушали майскую благодать. То были воевода Богуслав и дворецкий Василько.

– Князь-батюшка, послы-то заждались, – сказал Василько, подойдя к Всеволоду. – Да нетерпеливы уж больно.

– Подождут. Одним днем большую справу не решают. – Он посмотрел на колесницу, увидел, как из нее вышла Евпраксия и убежала во дворец. Спросил дворецкого: – Жениха-то рассмотрели?

Однако ответил воевода Богуслав.

– Высок и худ, аки жердь, – усмехнулся он. – А ликом – ангел.

Всеволод шевельнул плечами, зевая рукой прикрыл, сказал обыденно:

– На покой пора, – и направился к красному крыльцу.

Однако из густи сумерек от гридницкой появилась фигура в черной сутане, и князь услышал ломаную речь, какую с трудом разобрал:

– Великий государь, выслушай слугу папы римского и избавь себя от кары Божьей.

Всеволод повернулся к дворецкому, спросил:

– Зачем ему нужен великий князь? Знаешь же: так не должно быть!

– Помилуй, князь-батюшка, я уже его отваживал от палат. Да речет, что тайну принес.

– Он кто?

– Епископ Фриче.

– Отведи его в гридницкую. А я, как управлюсь, приду. И еще: попроси Богуслава побыть при нем, а сам позови ко мне Вартеслава.

Князь Всеволод поднимался в покои медленно. Нынешний день продолжал удивлять его неожиданностями. Какие силы стоят за теми, кто привел на Русь сватать его дочь? Кто явился с черным умыслом? Какая роль в этой игре у маркграфа, у епископа? На все эти вопросы нужно было найти ответы и уж тогда решать судьбу дочери. Да и нужно ли спешить? Может, пусть подрастет дома, а не на чужой стороне? Как жаль, что не дал ей знать немецкую речь. С такими мыслями Всеволод вошел в покой, где принимал гостей и послов.

Вартеслав прибежал скоро. Похоже, что спать еще не собирался. Поклонился, спросил:

– Какая нужда во мне, дядюшка?

Покой освещался слабо, лишь на столе горел сальник. Князь сел близ него, подозвал Вартеслава:

– Встань здесь. – Сальник осветил лицо князя. – Говори как на духу, братенич, есть ли черные умыслы в вашем посольстве?

– Мне они неведомы, дядюшка.

– Но добивается со мной беседы ваш епископ! Зачем?

– Может, на меня навет несет. Я ему неугоден. И матушка – тоже.

– Почему?

– Уехав с Руси, мы не взяли католичества, но остались в православной вере. Он принуждал нас, но мы устояли. Вот и...

– А жениха касаемое есть?

– Да, дядюшка. Но много скрытного в том и я не свел.

– Так говори, что ведомо. Да сядь рядом.

Вартеслав опустился на скамью.

– А ведомо мне вот что. Когда матушка рассказала маркграфу Удону, отцу Генриха, о Евпраксе, он загорелся и сказал, что поедет на Русь сам. А пока собирались в путешествие, из Кельна примчал маркграф Деди Саксонский, который одесную у императора стоит. С Удоном он был во вражде, какую весть привез, никому не ведомо. У них возникла ссора, они схватились за мечи, и маркграф Деди смертельно ранил маркграфа Удона. Через неделю он скончался. Как похоронили, от нас из Гамбурга явился в Штаден епископ Фриче. Он же любим папой римским Григорием. Епископ встал при маркграфе Генрихе, и никто не посмел от него отделаться. И вот Фриче здесь...

– Дивно. И все словно в тумане, – тихо молвил Всеволод. И спросил: – Что еще у тебя?

– Одно осталось сказать, дядюшка, ежели как на духу.

– Выкладывай, чего уж...

– Когда батюшка умер и матушка собралась уехать в родную землю, оставила она в Предславине кой-какое добро и украшения драгоценные. Теперь же просила меня взять схороненное.

– И возмешь, потому как матушкино. Тебе же спасибо, что не сокрыл от меня ничего. Теперь иди ко сну. Да скажи Василько, чтобы того епископа проводил в отведенный ему покой. Зреть его нет желания.

Вартеслав ушел, Всеволод остался на месте, но недолго пребывал, как он выразился, в густом осеннем тумане, из коего просто так и не выберешься. Да знал великий князь, как одолеть туман: всего-то дожждаться восхода солнца. Его потянуло к Анне, дабы поделиться душевной мастью, ощутить ласку ее волшебных рук, понежиться и потешиться, а там забыться в безмятежном сне, потому как Анна избавит его от каких-либо сердечных терзаний. Опочивальня Анны была покоем выше, и Всеволод поспешил к своей «полонянке».

Глава четвертая

Вече

Утром епископ Фриче добился своего и предстал перед великим князем, когда тот вышел на трапезу. Но не этому удивился великий князь, а тому, что рядом с ним стоял митрополит Иоанн. «Дивно! И когда это они успели сойтись? И зачем, если Иоанн нетерпим к католикам?» – подумал Всеволод и спросил Иоанна:

– Разве я звал тебя, владыко?

– Нет, сын мой, не звал.

– Ладно, ведаешь же, что тебе путь в терема не заказан. Но зачем привел иноземного пастыря?

– Каюсь, сын мой государь, но скрытное он принес тебе.

Всеволод задумался, посмотрел на иереев, пригласил их к столу:

– Ну что ж, садитесь. Вкусим пищи и поговорим о скрытном.

Иоанн первым успел к столу, сел справа от Всеволода. Какое-то время все молча трудились над пищей. Потом князь спросил епископа по-немецки, о каком скрытном деле он собирается поведать. Епископ Фриче крайне удивился, услышав родное слово, произнесенное четко и без искажения.

– Я слушаю вас, святой отец. Владыко мой духовный пастырь, и между нами нет ничего скрытного.

– Мне приятно о том слышать, – ответил Фриче. И продолжал: – Долг мой сводится к тому, чтобы предупредить тебя, государь, от беды. Не отдавай свою дочь маркграфу Штаденскому.

– Но почему? Я не вижу помех к нашему союзу с вашей державой.

– Семья и род Штаденов в опале у императора. И смерть маркграфа Удона не случайна. За этой первой жертвой последуют другие. Генрих Четвертый, уже отлучаемый от церкви, заслуживший прозвище Рыжебородый Сатир, коварен и жесток, – продолжал Фриче, не спуская цепких и холодных глаз с лица Всеволода.

Великий князь подумал, что святой отец находится под крепкой защитой папы римского, ежели позволяет себе так вольно отзываться об императоре. Фриче продолжал:

– А теперь скажу то, что касается только вас, государь.

Князь почувствовал себя смущенным, но собрался с духом и попросил Иоанна удалиться:

– Да не уходи далеко, владыко. Я тотчас тебя позову.

– Митрополит ушел. Князь строго сказал епископу:

– Говори, святой отец, да не мешкая. И чтобы никакой лжи.

– За правду целую крест. – И Фриче поцеловал нагрудное распятие.

– Слушаю.

– В вашу землю пришел князь Вартеслав. Да известно мне, что с черными умыслами. В замке Штаден я стал свидетелем разговора княгини Оды и ее сына. Она наставляла его, как похитить сокровища киевских князей. Сказывали раньше, что когда Ода покидала Россию, то собрала такое множество драгоценностей и золота, что с собой могла увезти только часть. А прочее закопала в надежном месте. Но чтобы скрыть следы, она велела убить рабов, кои закапывали сокровища.

«Ложь! Не было убийств в дни отъезда Оды», – отметил Всеволод. И порадовался тому, что Вартеслав во всем упредил Фриче. Он верил простодушному племяннику больше, чем расчетливому епископу, и сказал довольно жестко:

– Святой отец, ты неугоден мне! И пока германские гости здесь, не хочу тебя зреть.

– Но почему, великий государь? – поднявшись из-за стола, спросил Фриче. – Только правда в сказанном мною.

– Тысячу верст ты нес камень за пазухой! И кого ударить надумал, отрока, аки овцу невинную! Вместо того, чтобы настроить к подаению. Да и на княгиню Оду наговор несешь: на чужое добро она не позарилась! Она была великая княгиня – и тем все сказано.

– Помилуй, великий государь. Я только предупредил и о сокровищах, и о том, что ждет вашу дочь за маркграфом Штаденским.

– Вот как увижу маркграфа, тогда скажу: быть ли княжне Евпраксии несчастной. – И Всеволод позвонил в колокольчик. Появился дворецкий Василько, и князь сказал ему: – Проводи святого отца в его покой. Да не давай ему воли и ко мне не пускай.

– Исполню, князь-батюшка. – И Василько указал Фриче на дверь.

Лишь только они скрылись, в трапезную как-то боком вошел митрополит Иоанн. А следом – боярин Богуслав. Всеволод, не удостоив Иоанна вниманием, сказал Богуславу:

– В полдень позови в тронную залу жениха со сватами: смотрины будут. А после обедни ударишь в колокол вечевой. Да чтобы думные бояре на то вече пришли.

– Так и будет, княже, – ответил прежний воевода, а ныне первый боярин при великом князе.

Едва Богуслав ушел, как Всеволод спросил Иоанна:

– Владыко, ты все еще упорствуешь?

Ответ его был полной неожиданностью для князя.

– Ночью помолился и подумал о многом. Два века Русь делится своими женами без ущерба вере. Выдавай и ты в немецкую землю свою дочь, ежели все прочее сойдется.

– Спасибо, духовный отец.

– Мысли мои утвердились в том, что раба Божия Евпраксия не уронит чести православия. Дух ее крепок, как и у тебя с великой княжной.

– Скажешь теперь, что и вече нет нужды созывать?

– Не скажу. Пусть сойдутся кияне и утвердят наше стояние.

– То верно. А ведомо ли тебе, чего добивался епископ Фриче?

– Нет, государь, не ведаю. Но ваши речи были жесткими и потому догадываюсь...

– Так и было. Но об этом потом.

В полдень в тронном зале собрались многие княжьи мужи, бояре, воеводы, дабы быть очевидцами сватовства и помолвки княжны Евпраксии. Как уселись великий князь с княгиней на свои места, подошли к ним дворецкий Василько и боярин Богуслав.

– Великий князь, великая княгиня, сватов привели, и жених с ними, – доложил боярин Богуслав.

– Веди на глаза, – повелел Всеволод.

Богуслав направился к двери, в ладони хлопнул, и тотчас двери распахнулись, в зале появились Вартеслав, Генрих, камергер Вольф и камер-юнкер Саксон. В роли главного свата выступил князь Вартеслав. Он низко поклонился Всеволоду и Анне, потом направо и налево всем придворным мужам и повел речь:

– Великий государь всея Руси, великая княгиня, пришли к вам из германской земли купцы. Прослышали они, что товар добрый у вас в теремах бережется. А вот и главный купец, – князь показал на жениха, – маркграф Нордмарки Генрих Штаденский, роду королевского. И просит он показать тот товар – красну девицу, – ежели государь и государыня сочтут сие возможным.

Слушая Вартеслава, Всеволод не спускал своих зорких глаз с Генриха. Удивил жених будущего тестя ростом почти трехаршинным. «Эко вымахал!» И худобе его князь подивился. Но дольше всего он рассматривал лицо жениха. Как Вартеслав и говорил, оно и впрямь было ангельским, будто сошло с фрески Софийского собора, написанной искусным византийским

живописцем. Все в лице Генриха умиляло: и кроткий взгляд больших голубых глаз, и мягкая, светлая улыбка. «Господи, да вот же она – красна-девица. И что там Вартеслав просит... Да будет ли он мужем когда?»

– Говори же, братенич, чем знаменит твой отрок? – обратился Всеволод к Вартеславу.

– Род графов Штаденских знаменит многими подвигами. Они владеют огромными землями, многими замками. Их могущество уступает только императорскому. Но недавно маркграф Генрих осиротел и потерял батюшку. Матушка графиня Гедвига вдовствует и надеется получить от вас, государи, славную невестку.

Всеволод и Анна переглянулись.

– Что ты скажешь, матушка-государыня? – спросил князь Анну.

Желания Анны оказались противоречивыми. До восемнадцати лет она прожила среди полудиких племен, видела зверские лики. И потому ее потянуло прикоснуться к ангельскому лицу жениха, приласкать его по-матерински. Но что-то отталкивало ее от немощного отрока, который никогда, поди, не возьмет в руки меч, дабы защитить ближнего, свой дом, свою державу. И она милостиво отдала право выбора дочери, сказала то, что могла пожелать своей дочери любящая мать:

– Ты, князь-батюшка, положиись на Евпраксу. Сказывал же, что в этих теремах так уж повелось с дедушки Владимира, что княжон не неволили.

– Хорошо помнишь предание, спасибо. Не будем и мы неволить Евпраксу, – ответил Всеволод. У него тоже впечатление о маркграфе раздваивалось. По его мнению, рядом с крепким Вартеславом Генрих был похож на цаплю, однако князь никогда не судил о человеке по его внешности. Умный муж, свободно владеющий пятью языками, прочитавший много мудрых книг, он прежде всего ценил в человеке духовный мир, его ум. И тут не разглядишь человека походя, как коня на торгу, с ним надо душевно поговорить, чтобы раскрыл свои тайники, показал, чем богат, а прежде всего – розмыслом. И счел Всеволод, что нужно будет найти время посидеть с маркграфом вдвоем. Все, по его мнению, шло к тому, что дом Рюриковичей породнится еще с одним именитым домом Западной Европы.

Так примерно думала в эту пору и княжна Евпраксия, которую пока в залу не пригласили, однако она была свидетельницей того, что происходило в тронном зале.

По воле великого князя Изяслава почти сорок лет назад за стенами залы сделали тайную камору с глазницей, чтобы видеть и слышать все, что происходило в главном покое дворца. О той каморе знали лишь князь, княгиня да дворецкий Василько. Но сегодня Анна привела в нее дочь, дабы та увидела своего нареченного до встречи, когда нужно будет выразить свою волю. Евпраксия знала, что миг этот приближается неотвратимо и ей предоставлено для ответа лить два слова: «да» или «нет». Сказала же свое слово «нет» ее тетушка княжна Анна, когда дедушка Ярослав надумал выдать ее замуж за английского принца, у коего лик был украшен не подбородком, а конским копытом. О том Евпраксия слышала от батюшки, который много рассказывал о вольнолюбивой сестре.

Евпраксии жених понравился. «Экий розанчик», – подумала она. Огорчало лишь то, что он вымахал словно мальва. Да засмеялась: «С приступок целоваться буду!» Озорной Евпраксии стало весело, и она покинула камору, минуя путанные в поворотах сени, вошла в покой, где дремала ее мамка-боярыня Лукерья. Она была молода и ласкова, во многом потакала своему чадушке. Встретила Евпраксию вопросом:

– Каков он, суженый-то?

– Пригож, Лукерьюшка, – ответила Евпраксия и себя оглядела с ног до головы в византийское оловянное зеркало. – Токмо теперь вот боюсь, приглянусь ли розанчику?

– Ладушка, моя лада, да тебе самому королю-царю семейшкой быть. И умна, и весела, и озорна! Всего в тебе вдосталь для царской опочиваленки, – пела мамка.

Они еще смеялись, а на пороге возник боярин Богуслав.

– Княжна Евпраксия, кличут тебе, идем.

И дрогнуло сердечко. В четырнадцать-то лет как бы ни хорохорилась, а потерять любимых матушку, батюшку, отчий дом, огромный мир, который окружал с детства, – все это и сильного человека заставит вздрогнуть. И сошел со щек румянец, губы посуровели, в серых глазах резвости поубавилось. Но шагнула следом за боярином княжна, сама взбодрила себя и пошла бойко, как всегда хаживала в свои неугомонные отроческие годы.

Ввел Богуслав Евпраксию в тронный зал не через ту дверь, в которую жениха вводили, а что за тронном великого князя была, полотном в тон стен укрытая. Вошла она и вот уже лицом к лицу с женихом. Стоит «розанчик» верстою, и улыбка с лица не сходит. Да и Евпраксия не помнила себя без улыбки. «А чего бояться? Не в загон же к ярому быку ввели», – утешила себя княжна. Велено же ей показать себя жениху, его рассмотреть. Да что там, все, кажись, при нем, а что длинен, так и она подрастет. С тем и подошла Евпраксия к жениху.

Иноземцы смотрели на княжну с любопытством, удивлялись тому, как она вела себя без смущения. А ведь на нее чуть не сотня глаз взирали. Да забыли гости об упреках, оценку давали невесте и отметили, что такая не затеряется в толпе придворных и никто не пройдет мимо, чтобы не глянуть на манящее лицо, где все в гармонии, не ярко, не броско, но мило. К тому же глаза удивительные: большие, загадочные, веселые. Как улыбнулась, так ямочки на порозовевших щеках заиграли. Легкий сарафан не скрадывал стати невесты. В свои юные годы Евпраксия уже притягивала взоры своим тонким станом, и ножки у нее были точеные.

– Всем она превосходна, ваша светлость, – прошептал Генриху камер-юнкер барон Саксон.

– А что думает барон Вольф? – спросил Генрих.

– Она достойна вашей светлости, – ответил камергер.

– Я доверяю вам, – ответил Генрих. Сам он пока не оценил достоинств невесты и не увидел ее недостатков. Перед ним была просто забавная отроковица.

Княжна подошла к родителям, встала между ними. Тут же Вартеслав спросил маркграфа:

– Ваша светлость, что скажете? Великий князь ждет твоего слова.

Генрих вновь посмотрел на своих баронов. Они одобрительно кивали. И маркграф ответил Вартеславу:

– Скажи государю, что мы согласны ввести в дом графов Штаденских принцессу Евпраксию.

Всеволод слышал то, о чем сказал Генрих. Осердился.

– Маркграф Генрих, говорите мне должное!

– Да, да, я готов, – поспешил с ответом Генрих, несколько удивленный. – Говорю: ваша дочь не уронит чести дома графов Штаденских и я готов к брачному сговору. Но кто за нее скажет слово?

– Она и скажет. У нас на Руси невест не неволят. – И князь повернулся к дочери: – Иди к жениху и дай ответ, дабы не маялся.

– Иду, батюшка, – ответила княжна и плавно, будто проплыла разделяющее ее до Генриха расстояние, с поклоном сказала: – Ты мне любезен. – Да тут же попросила Вартеслава: – Молви ему, что я согласна быть его семеюшкой.

Вартеслав перевел слова Евпраксии. Генрих отвечал: «Данке, данке». И вдруг обеспокоенно заговорил камергер Вольф:

– Я не вижу епископов, не вижу патера! Кто благословит сей сговор? Не останется ли он ложным?

Всеволод оказался в затруднении. Хорошо, что из русичей только он понял тревожный говор придворного. Получалось и впрямь из ряда выходящее, не по обычаю. Собрались на сговор христианские люди, а пастырей нет. Что они скажут об этом сговоре? Да уж сказали. И митрополит Иоанн не тверд в согласии, и епископ Фриче против, ведь то, что сказал с глазу на

глаз, то может и не прозвучать во всеуслышание. Сказано было Всеволодом, что митрополит на Руси лишь священнослужитель, а византийскому патриарху – слуга. Вот и угадай, чего он добивался, когда писал в своих «Церковных правилах» с великой ревностью, осуждая обычай князей выдавать своих дочерей за королей и вельмож католической веры. Протестовал Всеволод: «Бог у нас един, а то, что вы, его слуги, разделились на латинян и ариан, так и расхлебывайте свой кулеш без нас». Однако пора было давать немецкому послу ответ. Вольф смотрел на Всеволода упорно. И Всеволод ответил лишь германцам:

– Русь ложью никогда не жила. Говорю вам: сговор утвердит вече. А коль вы не знаете, что сие есть, зову вас на площадь к Софийскому собору. После вече и продолжим наши беседы. – И, даже не передохнув, Всеволод повелел: – Вы, бояре, воеводы и княжи мужии, тоже идите на площадь. Тебе, Богуслав, велю ударить в вечевой колокол!

Многим, кто был в тронном зале, это повеление великого князя показалось настолько неожиданным, что лишь разводили руками, не зная подоплеки. Не было того на Руси, чтобы великие князья собирали народ на совет: выдавать или не выдавать дочь за иноземца. Но великому князю встреч не пойдешь, сказал – тому и быть. Да поди осмысли сказанное. Ведь и такого не бывало на памяти придворных, чтобы свадебный сговор обошелся без митрополитов и епископов. Ноне их не было. А причины никто не ведал. И все стало очевидно, что ответ на их недоумение там, на Софийской площади.

Пока вельможи выходили из палат, над Киевом зазвучал вечевой колокол, знакомый киянам со времен Ярославовых. Стоял же юный Ярослав при вечевом колоколе многие годы в Новгороде Великом. И отозвались горожане все до единого, руки от дел освободили и – на улицу, на площадь, да поспешая, дабы поближе к помосту встать, с коего великий князь скажет свое слово. Знали кияне, что то слово будет важным, а великий князь будет ждать от киян достойного совета или согласия-несогласия с ним. Как уж покажется слово государя. На то оно и Вече!

На Софийской площади колыхалось людское море. Воины княжеской дружины потеснили горожан, чтобы прошли к помосту думные бояре. Им тоже надлежит сказать свое слово. Какое пока никто не ведал.

Князь Всеволод и княгиня Анна не заставили себя ждать. Князь появился верхом на коне. За ним следовали две колесницы, и в первой из них сидели княгиня с княжной, во второй – немецкие сваты с женихом. Был среди них и епископ Фриче. В те же минуты из Софийского собора вышли митрополит и весь клир священнослужителей. И никто из россиян, заполонивших площадь, еще не знал, что причиной сегодняшнего события явились два архиерея – митрополит Иоанн и епископ Фриче.

Великий князь не томил горожан ожиданием. Им это ожидание всегда тяжело давалось. Всякие мысли приходили, страх в сердца проникал, потому как многие ожидали услышать от князя о новом нашествии «поганных» половцев. Вот уже Всеволод вышел к краю помоста, руки вверх поднял, звонким, сильным голосом сказал:

– Слушайте русичи, дети мои кияне! Скажу немного, собрал я вас, чтобы услышать совет. Вот за мною стоят дочь моя, княжна Евпраксия, и жених ее немецкий принц. Она – православная, он – католик. Испокон было, что великие князья выдавали своих дочерей за католиков, и никто тому не перечил. Ныне же оному есть сопротивление. Ваше слово будет последним. Скажите же: благословляете супружество или нет. – И князь низко поклонился горожанам.

Думные бояре стояли близ помоста, и среди них были многие, кто помнил, как выдавал своих дочерей за разных королей и принцев Ярослав Мудрый. Никто ему тогда не перечил. Потому они удивились, говор среди них возник, и наконец старший боярин Ефим Вышата громко попросил Всеволода:

– Князь-батюшка, выведи на чистую воду супротивников, тогда и судить будем.

– Они пред вами, – ответил Всеволод. – Правда, один из них, мой духовный отец митрополит Иоанн, ноне утром покаялся, снял свой запрет. Верю покаянию. Ан другое слово его, более твердое есть, написанное, а что написано стилем, не вырубить топором. Он же в «Церковных правилах» осуждает обыкновение великих и иных князей Руси выдавать своих дочерей за государей латинской веры. Другой супротивник нашему хотению епископ чужеземный Фриче. Не ведаю его происков, но утверждаю: пришел он на нашу землю, чтобы сничтожить сговор. Не желает он, чтобы наша княжна была семеюшкой вот этого принца. Теперь ваше слово, россияне!

Но к великому князю подошел митрополит Иоанн.

– Должно и мне сказать православным детям.

Всеволод встал перед Иоанном.

– Ты уже сказал должное, святой отец. Что еще? Слушай их приговор! – И Всеволод повернулся к горожанам. – Говорите, мы ждем вашего слова.

– А что говорить?! – вновь раздался голос Ефима Вышаты. – Никогда не бывало у нас на Руси, чтобы священники перечили государям, и не будет! Пусть русичи и россиянки идут за рубежи родной державы. Верю: честь великой Руси они сохраняют повсюду! – И вознес на всю площадь: – Добро Евпраксии, добро!

И всколыхнулось людское море, единым духом страстно всколыхнулось:

– Добро Евпраксии! Добро!

Площадь еще волновалась. Киевлянам радостно было проявлять свою доброту и сознавать, что их сыновья и дочери во всех иноземных державах возносят величие Руси.

– Добро Евпраксии! Добро!

Лишь два служителя церкви – митрополит Иоанн и епископ Фриче – каждый защищая свою веру, стояли мрачными и не поднимали на милосердных россиян глаз. Но они россиянами были забыты.

Великий князь и великая княгиня взяли за руки Евпраксию и Генриха, подвели их к краю помоста и вместе с ними низко поклонились многотысячной толпе, благословившей православную и католика на супружескую жизнь. На том вече и завершилось.

Глава пятая

Уроки иранской магии

Впервые за свою короткую жизнь Евпраксия узнала, что такое грусть. Еще волновалось людское море, еще гуляли над ним возгласы горожан, а у юной княжны погасли в глазах веселые огни и с лица сошел румянец. Ей было отчего грустить. Совсем немного дней минует с сего часа, и она покинет Киев, может быть, навсегда. А ей так было хорошо в этом вольном граде, где протекли лучшие годы ее отрочества.

– Прощайте, любезные кияне, – шептала Евпраксия, кланяясь горожанам.

И в палаты она вернулась печальной. Анна заметила уныние дочери и сама в страдание окунулась. Да, мужеством одаренная, поняла неизбежность судьбы и поднялась вместе с Евпраксией в ее светлицу, чтобы вдохнуть в поникшую духом силы противостояния ударам рока. Очень хотелось Анне, чтобы дочь уехала на чужбину такой же жизнелюбивой, неугасающей и способной покорять своим веселым нравом и друзей и недругов. И Анна знала, как добиться того, чтобы дочь на многие годы вперед не впадала в уныние, чтобы силы ее в борьбе с невзгодами не убывали, а прирастали. Анна решила поделиться с дочерью тем, что обрела в половецкой неволе, что получила в дар от чуждеи иранки Осаны.

Теперь Евпраксия была в том возрасте и на той грани жизни, когда все, чему будут учить ее, она воспримет серьезно и как крайне нужное. И вспомнила Анна себя далекой поры. Как взяли ее в полон да увезли в половецкое Причерноморье, ей было всего около десяти годиков. Князь Болуш, перебирая полонянок, заметил в девочке то, чего не было в других полонянках, оставил при своем дворе, дабы подрастала. Да поставил над нею старую иранку Осану, наказал ей вырастить его сыну Секалу хорошую жену. Иранка же, будучи сама полонянкой и питая к хану скрытную ненависть, вложила свое в отроковицу, как в чистый и надежный сосуд. С первых дней полона Анны Осана учила ее тому, что несла в себе, что было достоянием многих поколений женщин рода Кошу, к которому принадлежала Осана. Женщины рода Кошу были способны двумя перстами повергать к своим ногам сильных мужчин и теми же перстами поднимать в них дух в час смертельной опасности.

Анна оказалась понятливой, терпеливой и упорной ученицей. Уже к четырнадцати годам она переняла от иранки такие чудесные тайны, какие не раз спасали ее от многих бед, а однажды спасли и саму жизнь. В те же четырнадцать лет Анна превратилась в созревшую девушку, и половчанки даже старше ее не могли с нею соперничать в девичьих прелестях. Все в ней высвечивалось так, что ни один половецкий воин не мог отвести от нее глаз. Они превращались в охотников, словно видели перед собой степную лань, их черные узкие глаза пламенили от страсти. Они подкрадывались к Анне, чтобы схватить ее, вскинуть в седло и умчаться с нею в степь. Они забывали о том, что им грозит смерть от жестокосердного князя Болуша или от его старшего сына князя Секала. Но наказание ждало их и от самой Анны. Едва съедаемый страстью степняк касался добычи, как Анна неуловимым движением посылая свои персты в то место, где таилось гнездо птицы жизни насильника, он падал, словно пронзенный мечом. Потом воин приходил в себя и, если его не успели схватить ханские стражи, уползал подальше от шатров Болуша и Секала.

Так полонянка Анна и подрастала до семнадцати лет, пока беда не подкралась к ней ночью. К тому времени возмужал один из старших сыновей Секала, княжич Акал. Анна помнила: когда Акалу было тринадцать лет, а ей двенадцать, он уже покушался на нее. Тогда Анну спасла от поругания Осана. И еще не один год оберегала ее, грозя Акалу тем, что расскажет о его проделках отцу. Акал боялся отца, зная, какое жестокое наказание его ждет, и не посягал на честь Анны. И вот уже Акал побывал в сечах, поднялся вровень с отцом и свирепость

его переросла отцовскую. И однажды, когда Секал уехал из стойбища на совет князей, Акал проник шатер, где обитали Анна, Осана и другие прислужницы отца, накинул на Анну кошму, завернул в нее и унес из шатра. Близ него стояла кибитка. Акал бросил в нее Анну, сам вскочил и погнал коней в степь.

Придя в себя, Анна догадалась, в чьи руки попала. И ей ничего другого не оставалось, как только защищаться. Выросшая в орде, где жизнь текла по звериным законам, Анна и сама отважилась ступить на ту тропу. И когда кони остановились на берегу малой речки, когда Акал вытащил Анну из кибитки и бросил под навес шалаша, она была готова к защите. Ее стрела легла на натянутую тетиву лука. И в то мгновение, когда Акал развернул кошму и освободил Анну, готов был навалиться на нее, рука Анны мелькнула стрелой и два перста Анны вонзились в единственное незащищенное место на шее Акала. Княжич упал на нее, но был уже не страшен. Выбравшись из шалаша, Анна сказала воину:

– Князь зовет тебя. Иди к нему.

Воин соскочил с передка кибитки, побежал в шалаш. Лишь только он скрылся в нем, Анна поднялась на кибитку, схватила вожжи и помчалась в становище, где шел совет князей. То было последнее покушение на девственность Анны, потому как князь Секал взял ее под свою защиту.

А вскоре пришло освобождение. Анна на всю жизнь запомнила первые слова на родном языке, сказанные князем Всеволодом: «Я оставлю ее себе». Вначале она испугалась этих слов, ожидая насилия. Но князь ни в первый день, ни позже ни разу не надругался над ней.

Минуло пятнадцать лет. И вот перед ней стоит ее дочь, которую совсем скоро увезут из родного крова. И что ждет ее на чужбине, ведомо лишь одному Богу. Как же не отдать дочери те сокровища, кои когда-то подарила ей бескорыстная Осана. Анна велела сенной девице Милице никого не впускать в светлицу и сказала Евпраксии:

– Вижу, ты упала в уныние. Да то напрасная маета. – Анна прижала дочь к груди, погладила по голове. – Нам с тобой, родимая, дыхнуть некогда будет, пока мы вместе.

– Что же нам делать, матушка? Разве что помолиться в утешение?

– И помолимся, но позже. Теперь забудь обо всем и послушай то, что расскажу, как жила в неволе, когда мне было столько же лет, сколько ныне тебе.

– Я послушаю, матушка, прилежно.

– Вот и славно. – И Анна повела рассказ о том, что перебрала в памяти, словно зерна перед посевом, с того часу, как узнала, какая судьба уготована дочери.

Мать и дочь просидели рядом долго. Откровенный рассказ Анны вначале смутил Евпраксию, но потом она обрела себя, глаза засветились обычным огнем, улыбка на нежном лице то и дело появлялась, потому как матушка рассказывала о своих бедах-невзгодах, весело посмеиваясь над прелюбодеями. Когда же Анна перебрала минувшее, Евпраксия долго сидела молчаливая и собранная, как никогда ранее. Наконец спросила:

– А что, тетушка Осана еще жива?

– Ой нет, давно Господь прибрал.

– Ты молила за нее Бога?

– Многожды. И до сей поры молю. Теперь опрошу тебя: хотела бы владеть тем, чем наградила меня мудрая Осана?

– Я знаю, матушка, почему ты повела речь о том, что таила столько лет. Но ведь я уеду не в неволю, а с будущим семейшкой в его дом.

– Все так, родимая. Но ты не сегодня и не завтра станешь семейшкой. Два-три года тебе подрастать. Что тебя ждет в эти годы? Если бы ведать. И не лелей надежды, что будешь жить среди ласковых овечек. В любом народе есть свои половцы и печенег. Как же от них обороняться тебе, слабой и неумелой?

– То верно, матушка. Но я ведь не воин.

– Я сделаю тебя воином. Сделаю! – убежденно сказала Анна. – И с сего дня буду без устали учить всему, что ведомо мне.

Однако княгине пришлось отложить задуманное. Пришел дворецкий и сказал, что в трапезной накрыты столы и все собрались, дабы воздать честь помолвке Евпраксии и Генриха.

– Эка досада, – отозвалась княгиня и подумала, что им лучше всего уехать на кое время из Киева в Берестово, где никто не помешает учению.

С тем и отправилась Анна с дочерью на трапезу. Застолье было шумное, словно гости принесли запал с вече и теперь выплескивали его в разговорах, в поздравлениях и пожеланиях. Да и то сказать, давало себя знать хмельное, которого на столах было в избытке. Сам великий князь хмельного только пригубил, а теперь сидел рядом с камергером Вольфом и вел с ним беседу, расспрашивая, чем и как живет Германия.

В этом шумном застолье только два человека не принимали участия в разговорах. Они сидели за столом напротив и молча рассматривали друг друга. Евпраксия иногда улыбалась и вызывала ответную улыбку. Она поняла, что у Генриха кроткий нрав и доброе сердце, что он должен любить природу и животных. Евпраксия не ошиблась. Генрих и впрямь любил то, что в жизни окружало селянина. В часы застолья Евпраксия и Генрих не обмолвились ни словом, они не знали иной речи, кроме своей. Однако и молчаливое общение не прошло даром: им было приятно видеть друг друга.

Но уже Анна и Всеволод поговорили меж собой и князь благословил жену и дочь на поездку, но не в Берестово, а в Предславино, кое было поближе. Да и другой резон оказался у Всеволода.

– В Предславино нужно Вартеславу ехать. Так он останется там с вами и Евпраксу немецкой речи поучит. Поживете какой месяц, а мы тут со сватами все обговорим, приданое соберем. Им, поди, интересно увидеть, что получит наша дочь.

Уже на другой день ранним утром Анна, Евпраксия и Вартеслав в сопровождении десяти воинов покинули Киев. Село Предславино, которое было в полпоприще езды от стольного града, было любимо великими князьями как тихая обитель. Всего тридцать изб, большой рубленый княжеский дом на холме, часовенка – все обнесено остроколем и рвом с водой. Начало Предславины положила великая княгиня Ольга. В разное время приезжали в село великие князья поохотиться в окрестных лесах или в степном приволье за речкой Рось. Особенно часто бывал здесь князь Святослав с княгиней Одой и сыном Вартеславом. Сюда князь возвращался из военных походов, иногда привозил сокровища, добытые в сечах. Часть из них до сих пор лежала в тайниках княжеского дома. За ними и приехал Вартеслав. В селе его ничто не стесняло исполнить поручение матушки, достать сокровища и увезти в Германию. Сказал же князь Всеволод, что это достояние вдовы великого князя.

Анна и Евпраксия забыли о Вартеславе и были поглощены своими заботами. В просторном доме им никто не мешал собирать плоды с дерева иранской мудрости. Еще в первые годы замужества, приезжая в село, Анна попросила дворовых изготовить из войлока истукана. Она же сама обозначила на нем нужные точки. Теперь истукан был внесен в светелку и подвешен на матицу.

В просторном и светлом покое Анна и Евпраксия вдвоем. Обе одеты в легкие сарафаны, застыли возле истукана. Он весь переплетен сыромятными ремнями, и многие места на нем окрашены в разные цвета. Княгиня рассказывает о их значении.

– Древние врачеватели и маги Ирана нашли у человека множество гнезд, в которых живут разные птицы. Тут кроются птицы разума и жизни. – И Анна показала на виски. – Разорить их доступно, лишь надо помнить, что только зловещих птиц нужно убивать. – Анна стремительно крутнулась и двумя перстами правой руки ударила истукана в висок. Да тут же развернулась в другую сторону, и левая рука ее мелькнула молнией. – Если ты искусна в ударах, враг тебе не страшен. Здесь живет птица сна, – продолжала Анна и показала на шею, где проходит сон-

ная артерия. – Ударив в нее, ты повергаешь человека в долгий сон. Есть птицы души, огня и страсти. Вот они. Их нельзя убивать. Их можно усладить только лаской. И птиц жажды и желания не всегда нужно трогать. А вот похоть спряталась в этом гнезде, и о ней надо всегда помнить – она зловеща... – Руки Анны, то левая, то правая, точно посылали стрелы-персты в те гнезда, где таились хищные птицы. Она – охотник, глаза прищурены, губы сжаты, все тело – сгусток силы и ловкости.

Евпраксия смотрела на матушку зачарованно. Никогда она не видела ее такой похожей на молодую кису, играющую с мышкой. Евпраксии было смешно и пугливо. «Господи, да разве я смогу когда-нибудь так!» Но оторопь была короткой. Евпраксия забылась и неотрывно следила за полетом рук матушки, за ее движениями. И все это показалось ей неким древним танцем. Легко и точно нанося удары во все гнезда, она была неутомима. Сила полета «стрел» прирастала, они мелькали и иногда были невидимы в полете. И неведомо было, какую цель Анна поразит в следующий миг. Истукан кружился, взлетал, а Анна продолжала безошибочно разорять гнезда, где таились птицы зла и насилия, птицы похоти. И прошло, может быть, час или больше, когда Анна наконец остановилась, но не от усталости, а исчерпав наглядный урок. Матушка даже не вспотела. И то удивило Евпраксию больше всего. Ведь только степные кони могут скакать часами и оставаться сухими. Все-таки дочь спросила:

– Матушка, ты утомилась? Не надо бы. Я как в темном лесу побывала: сказочно, а непонятно.

– Полно, доченька, это не лес и не сказка. Тут все просто. И я не утомилась. А показала я тебе то, чему ты в малой толике должна научиться.

– Ой нет, матушка, такое мне непосильно.

– Посильно, коль прилежна будешь. И всего-то две недели от зари до зари. И ты еще обойдешь меня. И запомни, что тебе легче, чем было мне. Осана ведь только поведала о птицах и о гнездах. Показала, где их найти. И я сама копила умение. У меня не было истукана, я всему училась украдкой.

– Матушка, но ты другая, ты сильная, а я...

– Полно, Евпракса, не серди меня! Уж я ли твоей резвости не знаю. В тебе дюжина таких, как я. И равных среди сверстниц нет. Не ты ли векшей на деревья в Берестове взлетала? А кто тебя в беге обгонит? Ты и с отроками тягалась: кто дальше палку или камень на Днепре забросит.

– Но стрелы я не пускала. И коня на скаку не сдержу.

– И я не управлюсь с ним. Да кончим воду толочь в ступе. Мне лучше знать, что ты стоишь, родимая. А теперь вставай рядом и делай как я. Сожми вот так длань, выпусти два перста. И помни, что они у тебя крепче дерева. Повтори: крепче дерева, крепче камня!

– Крепче дерева, крепче камня.

– Теперь ударь в мои ладони. – И Анна выставила руки перед Евпраксией. – Ударь же! Правой и левой, правой и левой!

– Но, матушка, тебе будет больно.

– Я стерплю. Ударь же!

Евпраксия вяло ударила правой рукой и совсем неохотно левой. Анна улыбнулась:

– Плохо, родимая, а ты можешь лучше. Ну, еще раз.

Евпраксия стояла перед Анной виноватая и жалкая. На глазах у нее появились слезы.

– Не заставляй, матушка! Не заставляй! – закричала она.

– Ведаю: ты мягкосердая. Но и это нужно одолеть. Ударь же!

И что-то изменилось в лице Евпраксии. Анна пока не знала, не поняла, но почувствовала: сейчас разразится буря. Да так и было. Княжна знала, что послушаться матери не следует. Ведь она желает ей добра, жаждает защитить ее перед лицом грозящей опасности, а она придет неизбежно. Однако ударить мать, даже на пользу учению, она не могла. А вот недруга...

Недруга она бы попыталась наказать, насколько хватило бы сил ударить, свалить, растоптать. И в ее пылком воображении возник образ печенежского князя Акала, который пытался надругаться над ее матушкой. Евпраксия стремительно повернулась к истукану, увидела в нем ненавистного Акала и с силой, раз за разом нанесла несколько ударов в виски, в шею, под сердце и туда, где у христианина душа. Пальцы пронзила острая боль, она готова была закричать, но стиснула зубы и продолжала наносить удары по гнездам, где таились коварные птицы, пока Анна не обхватила ее за плечи и не отвела от истукана. Она усадила дочь на скамью, покрытую алым бархатом, и принялась гладить ее по голове. Евпраксия плакала, но, как показалось Анне, не от боли в пальцах, в руках, а от внутренней раны, нанесенной ей жестоким расставанием с детством. Княгиня дала дочери выплакаться, растерла ей пальцы, избавив от боли, и тихо сказала:

– Ты разумница, родимая. Ты прошла муки. И я знаю, на кого ты ополчилась. Так и нужно, только так!

Мать и дочь посидели молча. Им было хорошо. Княгиня подумала, что, может, напрасно затеяла утруждать Евпраксию: не к диким же народам она уезжала. Однако Анну одолели сомнения. Бесспорно, она должна научить дочь защищать свою честь. Что ж, Анне суждено будет узнать, что ее дочь окажется среди таких же дикарей без чести и совести, каких и в племенах кочевников мало. И пока Анна решала, нужна ли ее дочери иранская магия, Евпраксия сама выбрала путь.

– Матушка, давай начнем с малого. Я пообвыкну, а там и впрягусь.

– Так и будет, – согласилась Анна. – Встанем рядом, я начну, а ты повторяй. Нам только сладиться.

Анна взяла Евпраксию за руку, они встали к истукану. И княгиня нанесла ему легкие удары: правой, левой.

– Вот так, легко и точно...

– Исполню, матушка, как сказано.

Нанося удары следом за Анной, Евпраксия повторяла за ней слова: «тут жизнь», «тут сон», «тут похоть». И полетели по кругу две пары красивых и легких, как крылья чаек, рук. И ноги их были в затейливых движениях вокруг истукана. Анна посылая свои стрелы точно в цель. Евпраксия то и дело огибалась, ноги спотыкались на ровном месте. Но это ее уже не раздражало и не смущало, а забавляло. И пришла веселость, пришло состояние, в каком ее душа пребывала постоянно. Ошибаясь, она смеялась над собой. Анна тоже смеялась от возбуждения. И незаметно она повела игру по своему разумению, все убыстряя и убыстряя полет стрел. Наконец она заметила, что с каждым ударом Евпраксия все точнее находит цель. «Жизнь, сон, зло, страсть» звучали в ее устах все увереннее. Анна следила за каждым движением Евпраксии и вскоре поняла, что у нее все получится и она овладеет иранским искусством самозащиты. Но Анна сдерживала свою радость, зная, что они пока лишь играют, зная, что придет острая боль в руке, придет усталость, от которой захочется упасть и лежать часами без движения. Все это надо было пройти и лишь тогда благодарить Бога за то, что вложил в Евпраксию мужество и терпение.

Наступил полдень. Анна это заметила, посмотрев на солнце, поднявшееся в зенит. Пора было отдохнуть. Анна обняла дочь и повела к окну.

– Ты устала? – спросила Анна.

– Да, матушка, – ответила Евпраксия.

– Это хорошо. Тем отраднее будет покой. Да пищи вкусим, потому как голодны. Идем в трапезную. – Обнимая дочь, Анна заметила, что она лишь малую толику покрылась потом. И не удивилась. Ей просто было приятно знать, что дочь, как и она, не потлива.

В трапезной Анну и Евпраксию поджидал князь Вартеслав. Стол был закрыт. Жбан с сытой, принесенный из погреба, отпотел.

– Уж не почивала ли до сей поры, сестрица? – спросил Вартеслав.

– Так и было, – весело ответила Евпраксия, – потому как ночью звезды с небушка ловила.

– Эка забота! Поди, длани обожгла? Нет бы меня позвала.

Князь и княжна были словоохотливы, и завязалась между ними веселая беседа.

– И ты поймал бы мне звезду?

– Да уж словил бы. Однако скажи, когда батюшкин наказ приступим исполнять.

– Я уж и забыла какой.

– Ой, лухтишь, Евпракса, ленью одержимая. А кто будет немецкую мову учить?

Анна подумала, что лучше бы после трапезы ею заняться. Тоже не статочное дело. Сказала о том:

– Ты уж, родимая, уважь братика, пока у него душа горит.

– Перечить не буду, матушка, – согласилась Евпраксия. – Не спать же снова до вечерней зари.

И началась для юной княжны другая нелегкая справа. И занималась она с Вартеславом просторечием, пока солнце к заходу не потянулось. Тут Евпраксия сама позвала Анну в светлицу.

– Матушка, раз уж затеяли потеху, доведем ее до конца.

Анна ждала сей миг. А как поднялись наверх, первым делом руки у дочери осмотрела. Она еще утром подумала ногти немного остричь, пальцам урону меньше будет. А как привела все в порядок, так вновь наступили часы танца.

– Все повторяй за мной: силу удара, движение ног. Ошибок не замечай, сами уйдут.

– Запомнила, матушка, – ответила Евпраксия. А упорства ей было не занимать. Она подумала, что чему научиться, то за плечами не носить. И ежели придет беда на чужбине, что ж, она обнажит свой «меч».

И потекли дни. Они мелькали, словно последние льдины на Днепре в половодье – пролетела, и нет. И с каждым днем княжна становилась увереннее в себе, искуснее, сильнее, стремительней. Нет, не прошло даром то, что она ловко лазила по деревьям, что быстро бегала, что дальше сверстников бросала в реку камни. Однажды, уже через две недели со дня приезда в Предславино, когда присели отдохнуть, Анна как-то торжественно сказала:

– Вот ты и научилась оберегать древо девственности. Никто не сорвет с него ранний плод, ежели ты не позволишь.

А занимались они до этого часу несколько дней тем, что Анна учила Евпраксию, как связывать крылья птице похоти, а если к тому будет нужда, и убивать ее в посягателе. Эта наука далась Евпраксии с трудом. Ее угнетало смущение от обнаженности того, чему учила мать. Княжна пыталась отбояриться от занятий, но Анна сумела-таки убедить дочь, что сие есть самое главное в том, чем они занимались. Когда же Анна сочла, что дочь способна защитить себя от насилия и надругательства, сказала, как завет:

– Да упаси тебя Всевышний от действий в угоду злему умыслу. Не унижай себя, носи голову гордо и оставайся сама собой.

– Спасибо, матушка. Твоей науки и милости никогда не забуду.

Покончив с уроками иранской магии, Анна попросила Вартеслава:

– Теперь, княже, возьмись с усердием за Евпраксу и за меня немецкой речи учить.

– Да тебе-то, матушка княгиня, зачем чужое слово?

– А для кумовства, – пошутила Анна.

– Ладно уж, научу вас обиходному говору, а познать больше и года не хватит.

Однако Анна сказала о себе для красного словца и не мешала Вартеславу и Евпраксии полными днями ворковать по-чужому. Княжна и тут оказалась прилежной ученицей. Она легко открывала для себя смысл сказанного Вартеславом и повторяла вопросы, ответы. С каждым днем ей было интереснее и даже забавнее заглядывать за глухой забор чужой речи.

И прошел месяц пребывания киевлян в Предславине. Все, что было задумано Анной, что наказано Всеволодом, было исполнено и обретено. Вартеслав уложил в две переметные сумы достояние своего отца, князя Святослава, добытое им в сечах с половцами. И можно было возвращаться в Киев. Как раз к намеченному дню из стольного града примчал гонец с повелением великого князя возвращаться домой.

– И сказал князь-батюшка еще о том, что завтра в Предславино явится князь Владимир с малой дружиной. Сказывают, ходил он с Ростиславом в степи на отгонные пастбища за диковинными животными, – добавил гонец.

У Евпраксии в душе вспыхнула радость. Ей были любезны оба брата. Но князя Владимира она любила сильнее с детских лет.

А в княжеских покоях началась суэта, потому что княгиня Анна считала важным долгом встретить желанных близких достойно.

Глава шестая

На верблюдах в Германию

К возвращению Анны и Евпраксии в Киев все переговоры со сватами были закончены. И посланцы уже с нетерпением ждали день и час отъезда на родную землю. Им оставалось ждать недолго. И на другой день после первого июньского праздника дня Святой Троицы под торжественные перезвоны всех киевских храмов княжна Евпраксия, ее жених и их свита в сопровождении полусотни воинов покинули Киев. Прощание Евпраксии с матушкой и батюшкой было трудным. Она много плакала и просила:

– Родимые, не отдавайте меня в чужую землю. – На сердце у нее было тяжело, томило предчувствие. – Я там сгину, как в неволе, – причитала она.

– Не можем мы того исполнить, не можем. Нет возвратного пути, – уговаривал дочь князь Всеволод. – Да и ты сама выбрала свою судьбинушку. Что же теперь роптать?!

Княжна вспомнила сватовство и сказанное ею «Да, батюшка, согласна» и перестала плакать.

– Простите, родимые, страх одолел меня.

...И вот уже по лесным дорогам Западной Руси, по пути великого князя Владимира Красное Солнышко, который ровно сто лет назад шел здесь дружиной вразумлять непокорных белых хорватов, двигался невиданный в западных землях караван. За полусотней всадников, за дорожными крытыми колесницами мерной поступью шли пятнадцать двугорбых верблюдов. Свои гордые головы они держали высоко и не замечали окружающих их лесов, словно они для них не существовали. Всего полмесяца назад они паслись в степях Левобережья Днепра, а еще осенью прошлого года были достоянием половцев. Алчные степняки отправились на Русь с разбоем и гнали с собою стадо верблюдов, дабы увезти на них добычу – корзины с малыми детьми. Но половцам давно уже не удавались разбойные набеги на Русь. Каждый раз по воле Божьей вставала на пути врага дружина храброго Владимира Мономаха. После великого князя Святослава Игоревича не было на Руси другого такого отважного и умелого воеводы. Князь Владимир нападал на степняков всегда неожиданно: то ли в ночь, то ли с тылу, а случалось, и на становища в глубине половецких степей, где его не ожидали. Так было и прошлой осенью, когда половцы отважились погулять по Черниговщине, где Мономах стоял на уделе.

Князь Владимир перехватил половцев на реке Сейм. Одолев его выше половецкого становища, он зашел степнякам за спину, ночью выслал вперед пластунов, они сняли дозорных. В тот же час воины Мономаха напали на орду и, не дав врагу опомниться, погнали его в Сейм. Сеча была жестокой, у Владимира было на то право, потому как половцы в третий раз нарушили мирный договор. К утру пятнадцать тысяч русичей расправились с двадцатитысячной ордой половцев, одних посекали мечами, другие утонули в бурных водах Сейма. Лишь немногим удалось спастись бегством. В этой сече русичи добыли больше десяти тысяч коней, сотни половецких кибиток и двести двадцать верблюдов.

И теперь пятнадцать из них степенно шагали по лесным дорогам Руси в не ведомую ни им, ни большинству путников Германию. Была середина лета, светило жаркое солнце. Но лес скрадывал зной и даже веял прохладой. На спинах у верблюдов покачивались тюки с поклажей. В них княжна Евпраксия увозила свое приданое. Ей могли бы позавидовать все европейские королевы. Ни одна из них, кроме княжны Анны Ярославны, не приносила в королевский дом такого богатства, с каким ехала в дом маркграфа Штаденского княжна Евпраксия. Немецкие хронисты той поры писали, что «дочь русского царя пришла в эту страну с большой помпой, с верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством». Не так уж много, но весомо сказано было в немецких хрониках. Удив-

лению же очевидцев не было предела, когда маркграф Генрих и его невеста появились на германской земле. Поначалу многие говорили, что это прибыл из восточных стран караван торговцев. И в каждом городе жители ждали, что «купцы» вот-вот снимут с верблюдов тюки и начнут торговать диковинными товарами. Но нет, «купцы» так и не распаковали тюки, чем разочаровывали горожан.

Но не только удивление и разочарование витали вокруг каравана. Корыстной и злой зависти тоже нашлось место. И одним из больших, корыстных завистников оказался сам император германский Генрих IV. Он ни на один день не забывал о маркграфе Штаденском, который вопреки его воле уехал на Русь. Вскоре же на восточном рубеже Германии появились люди императора и ждали там, когда маркграф Штаденский вернется с невестой в свою Нордмарку. Он был еще на землях Польши, когда в маленький городок Эрфурт, где находился в это время Генрих IV, умчались гонцы, дабы уведомить императора о движении маркграфа.

Едва получив долгожданное известие, император покинул замок Эрфурт и в сопровождении двадцати воинов и нескольких придворных вельмож и оруженосцев помчался в город Мейсен, чтобы там осуществить задуманный тайный план. Он успел добраться до Мейсена раньше маркграфа, занял на центральной площади дом и распорядился, чтобы бургомистр, полицмейстер и городские стражники произвели досмотр «товаров», ввозимых маркграфом в Германию.

Ждать пришлось почти сутки. Лишь на другой день послеобеденной порой на площади Мейсена появился необычный караван. Поглазеть на него собрались все горожане. Император, который стоял у окна за шторой второго этажа богатого дома, даже рассердился. Он не ожидал, что площадь заполонит толпа людей. Но вот появились бургомистр, полицмейстер, полицейские. Подошли к маркграфу, который вышел из дормеза.

– Ваша светлость, нам надлежит досмотреть ваши товары, – заявил полицмейстер.

– Чья это воля, обыскивать меня? – спросил Генрих Штаденский.

– Это воля императора, и она превыше всего, – ответил важный бургомистр.

– Но я помню, мой батюшка маркграф Удон Штаденский говорил, что такого закона в германской империи нет.

– Закон для нас – слово императора, – грозно возразил полицмейстер.

Молодой маркграф, еще не окрепший духом, боялся императора. Но еще больше его страшил позор, которому он подвергнется, ежели допустит императорский произвол. Он осмотрелся и увидел сотни любопытных глаз горожан, которые с нетерпением ждали, чем обернется стычка императорских слуг с могущественным домом маркграфов Штаденских, коих уважала вся Северная Германия и которые были известны всей державе своей гордостью и отрицанием императорской власти. Пока горожане были на стороне маркграфа, и он понял, что этим нужно дорожить. Однако на многих лицах Генрих видел иронические улыбки и сомнение, что сей «колодезный журавль» возразит императору.

– Сей длинный сынок не похож на батюшку маркграфа Удона. Ему ли встать против рыцаря! – рассуждал почтенный горожанин.

– Матильду Тосканскую, тетку маркграфа, крикнуть бы сюда, – заявил бойкий молодой купец. – Она бы в шею погнала всех полицейских.

Наконец маркграф собрался с духом, сказал бургомистру:

– Ежели ты, господин, выражаешь волю императора, то иди и скажи ему, что все эти «товары» есть достояние дочери великого князя всея Руси книжны Евпраксии, моей невесты.

Бургомистр оказался глух к доводу маркграфа. Он твердил свое:

– Я должен исполнить волю императора, коя превыше всего. Раскрой тюки, или я возьму тебя под стражу.

Князь Вартеслав, который стоял чуть в стороне, услышав угрозы бургомистра, встал рядом с маркграфом и взялся за меч.

– Дерзкий, ты ищешь ссоры. Я остановлю тебя мечом! Иди и передай императору, как сказано: за спиной княжны Евпраксии стоит великая Русь.

Бургомистр знал, где император. И он чувствовал спиной его гневный взгляд. Так и было. Генрих IV стоял у окна и метал молнии. Наблюдая за тем, что происходило на площади, он понял, что полицейских сил не хватит, чтобы завершить произвол. Понял и то, что горожане, и прежде всего знать, осудят его за насилие над молодым маркграфом Штаденским. Осудят еще и потому, что неожиданная смерть маркграфа Удона, по мнению многих немцев, была на совести императора. И теперь Генрих IV торопливо думал о том, что предпринять. У него уже пропала жажда увидеть невесту маркграфа, и он считал разумным освободить от досмотра достояние княжны россос. Но алчность императора и скудное состояние казны толкали его на насилие.

Жажда завладеть сокровищами княжны была подогрета воспоминанием. Случилось же такое с ним семь лет назад, когда в его руках оказалось немало золота и драгоценностей россос. Разница лишь в том, что тогда они достались ему без насилия. Да, был обман, да, его мучила совесть, но что значат эти грехи, если в твоих руках оказывается огромное богатство? Тогда на престоле в Киеве сидел великий князь Святослав, отец вон того княжича Вартеслава. Святослав коварно отнял престол у своего брата князя Изяслава. Изгнанный большой силой из Киева, Изяслав бежал в Польшу искать защиты у короля Болеслава. Он награждал польского государя драгоценностями, золотом и попросил у него войска изгнать Святослава с престола. Хронисты записали тогда: «Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России и указал путь от себя». Изяслав попытался вернуть свои сокровища, но тщетно добивался. Болеслав изгнал его из Кракова. И тому ничего не оставалось, как искать помощи в Германской империи.

Стояла глубокая осень, день и ночь шли дожди, иной раз со снегом, но Изяслав с немногими воинами упорно шел в город Майнц, где была резиденция императора. В пути он разыскал брата княгини Оды, трирского духовного чиновника, пробста Бурхарда, и тот пообещал представить князя императору. Генрих IV умел быть любезным и встретил Изяслава с распростертыми объятиями. Когда же выслушал исповедь великого князя, заявил:

– Я сделаю все, чтобы вернуть тебе, великий князь, законную и Богом данную корону.

Изяславу показалось, что Генрих сдержит свое слово. Он еще не знал, что у императора нет сил и возможностей повлиять на Святослава. Близкий к отчаянию, Изяслав поклялся быть данником Германии, ежели Генрих прогонит Святослава из Киева. В порыве благодарности Изяслав отдал Генриху оставшиеся у него сокровища. Это были прекрасные золотые кубки и братины, драгоценные женские украшения, византийские монеты, меха, которые ценились выше золота.

У Генриха дрожали от жадности руки, когда он перебирал так легко доставшееся ему богатство. Легко потому, что он и не думал исполнять своих обещаний. А для того чтобы избавиться от угрызений совести, послал в Киев того самого пробста Бурхарда, сказав при этом:

– Ты припугни похитителя трона, скажи, что приведу в Россию несметное войско и расправлюсь со злодеем.

Посол Бурхард явился в Киев, передал Святославу все, как велел Генрих, но и свое добавил, злясь на государя за то, что не отблагодарил его за полученное богатство, не порадел перед майнцским архиепископом о повышении в сане.

Святослав, Ода и Бурхард сидели в трапезной. Сестра угощала брата вкусными явствами, медовухой. Он же сказал Святославу:

– Тебе, великий князь, нет нужды верить угрозам германского императора. Он лишь чудом держится на престоле. Да близок день, когда будет низвергнут. Северные князья хотят иного государя.

Бурхард, очевидно, хорошо знал обстановку в империи той поры. Спустя два года после его поездки в Киев князя Германии, испытывая враждебные отношения к Генриху IV на своем съезде 1077 года в Форхгейме, низложили его. И только чудом почти через два года со дня низложения он вновь обрел корону императора.

И вот златолюбец стоял у окна, жадным взором пожирая караван княжны и думая о том, как захватить его без ущерба для своей чести.

Но в это время случилось то, чего император никак не ожидал. Из дормеза легко выскочила, как догадался Генрих, княжна россов и побежала к стаду верблюдов, что-то сказала погонщикам и так же быстро вернулась в дормез. Чем после ее слов занялись погонщики верблюдов, император не заметил, не до них ему было. Большой ценитель женской красоты, он увидел в юной княжне то, что со временем обязательно превратит ее в прекрасную даму. Однако насладиться ее видом императору не удалось. Она промелькнула перед ним, как солнечный луч, и скрылась. А в это время на площади раздался низкий трубный рык, заставивший замереть в страхе всех горожан. Вслед за этим одиноким рыком раздался громоподобный рев. Казалось, ревели не пятнадцать верблюдов, а сотни зверей. И на площади поднялась паника, горожане разбежались в разные стороны, ломились в узкие улочки. Толпа подхватила всех стражей порядка, бургомистра и с криками ужаса унесла их с площади.

Не задержался на площади и караван россов. Под рев верблюдов он тронулся к западным воротам города и вскоре скрылся. Площадь опустела. Генрих распахнул окно и, сжимая кулаки, со злостью смотрел вслед уходящему каравану. За его спиной стоял маркграф Деди Саксонский.

– Мой государь, какой ужас! Как они посмели? – сказал он равнодушно.

Однако равнодушие маркграфа прорвало плотину терпения императора, он закричал на своего фаворита:

– Это ты со своим благодушием виноват в том, что мы их упустили! Вели немедленно седлать коней! Я догоню этого длинного маркграфа в чистом поле и там уж поговорю с ним!

Деди знал характер своего государя и быстро остудил его пыл.

– Да, конечно, мой кайзер, я сей же миг распоряжусь седлать коней, правда, не знаю, как мы минуем многолюдные улочки. Горожане наверняка освищут нас и закидают тухлыми яйцами. Они ведь не ведают, что ты император, а вот смутьяном тебя сочтут, – рассуждал Деди.

– Хорошо, говори дело, – потребовал Генрих.

– Надо подумать, мой государь. Да надейся: что-нибудь светлое придет в голову до вечера.

Между тем караван уходил все дальше на северо-запад, к Штадену. И на всем пути жители селений выходили на дорогу и с удивлением смотрели на диких животных, а мальчишки, одолевая страх, бежали следом. Странно было одно: слух о том, что случилось в Мейсене, уже летел впереди каравана, и тому удивлялись все спутники маркграфа. Удивлялись и побаивались: как бы дикие животные не навели страх на немцев на всем пути до Гамбурга и Штадена. Камергер барон Вольф спросил юного маркграфа:

– Ваше высочество, это твоим повелением княжна навела ужас на горожан Мейсена?

– Полно, барон, откуда мне знать, на что способны эти дикие степные великаны?

– Как же тогда княжна осмелилась навести ужас на горожан и на нас?

– Ах, барон, я, как и ты, не знаю нрава россов. Знать, там все женщины таковы, – в раздумье ответил Генрих.

За долгий путь княжна не раз удивляла маркграфа. Ее поступки были непредсказуемы. Во время остановок на отдых, которые длились сутками, эта отроковица одевалась воином, садилась на коня и в сопровождении своих ратников, которых вел телохранитель Родион, мчалась в ближний лес и там искала дичь. Генриху однажды удалось увидеть, как она стреляла из лука. Полет стрелы не всегда был метким, но летела она с такой же силой, как и у бывшего

воина. Это и удивляло Генриха. Увы, маркграфу Генриху не доведется увидеть всего того, на что была способна его будущая супруга. Злой рок уже преследовал юного Генриха.

Наконец-то ранним августовским вечером караван достиг Гамбурга, откуда до Штадена оставался всего один день пути. Но Генриху не надо было спешить. В Гамбурге, на его северной окраине высился замок, принадлежащий роду Штаденов, и в нем жила княгиня Ода, мать Вартеслава, любимая тетушка Генриха. В замке уже знали о приближении каравана. И у городских ворот князя Вартеслава встретил слуга его матери.

– Ваша светлость, матушка княгиня изошлась от ожидания и боится, что вы проедете в Штаден, – сказал слуга.

– Вот уж напрасно боится. Мы никак не могли миновать наш дом. Но что-нибудь случилось? Я вижу, ты в смятении.

– Да, ваша светлость. Утром прибыл в Гамбург сам император, и он настаивает, чтобы маркграф Штаденский и его невеста заехали в замок.

– Странно. Но чем вызвано такое любопытство государя к чете помолвленных? – спросил Вартеслав.

– Того не знаю, ваша светлость, – ответил слуга.

Князь Вартеслав не мог не уведомить Генриха об императоре. Он подъехал к дормезу маркграфа, сошел с коня, нырнул внутрь экипажа.

– Слушай, братец, тут такая препона, – начал Вартеслав, – в наш замок пожаловал государь, который желает увидеть тебя и Евпраксу. Что ты на это скажешь?

Генрих был озадачен. Что-то побудило его вспомнить события в Мейсене. И ему показалось, что досмотр достояния Евпраксии там пытались провести не случайно. И первое, что пришло в голову маркграфу, – это отказаться от посещения замка и продолжать путь в Штаден. И Генрих сказал Вартеславу:

– Я не хочу видеть Рыжебородого. И мой батюшка одобрил бы сей шаг.

– Ты прав, я тоже одобряю, но как примет это моя мать. Не будет ли это вам с Евпраксой в ущерб? Может, покажетесь. Помнишь, как уезжали, она наказывала заехать в нам. А Рыжебородый... Да что он нам!

– Я помню наказ тетушки. И не буду огорчать ее, – согласился Генрих.

– Вот и славно, – обрадовался Вартеслав, но посоветовал: – Только отправь, пожалуйста, караван в Штаден. – И засмеялся: – А то горожан верблюды перепугают. Да надо сказать обо всем княжне.

Вартеслав и Генрих покинули дормез, подошли к колеснице, в которой ехала Евпраксия в сопровождении боярышни Милицы. Открыв дверцу, Вартеслав сказал:

– Сестрица, тут у нас малая препона. – И князь рассказал о сути и заключил: – Так мы все-таки отважились предстать перед государем. Тебя это не пугает? Караван мы отправим, да и сами побудем недолго.

– Коля так, отчего не посмотреть на государя. А он не страшный? – И княжна весело рассмеялась.

– Он всяким бывает, – серьезно ответил Вартеслав. – Только я тоже его не видел.

Вскоре Вартеслав распорядился, как было решено. Караван, ведомый бароном Вольфом, под охраной отряда россос, которых вел сотский Тихон, минуя Гамбург, ушел на Штаден, а все остальные направились в город.

Княгиня Ода встретила близких на дворе замка и первым делом заключила в объятия княжну Евпраксию.

– Какая ты славная! Ну вылитая матушка! – восторженно произнесла княгиня. – Тебе у Штаденов будет хорошо, и ты будешь любезна матушке Генриха.

– Спасибо, тетушка. Я хочу тепла, – ласкаясь к Оде, ответила княжна.

– Вас в Штадене ждут. Да вот незадача: кайзер прямо-таки потребовал, чтобы я остановила вас в Гамбурге. И появился он здесь вовсе неожиданно, на взмыленных конях. Словно его преследовали враги.

– Но что ему нужно? – спросил Вартеслав.

– Сказал просто: хочу видеть невесту и жениха, сына моего лучшего друга.

– Как он посмел так говорить? – возмутился Генрих. – Отец был с ним в ссоре десять лет, с той поры, как... – И осекся. – Да вы знаете...

– Знаю, знаю, славный, – согласилась Ода. – Однако пора в замок. Государь ждет нас.

В пути Вартеслав подошел к Оде, сказал:

– Матушка, я привез с Руси все, что принадлежит тебе. Это твое добро, так сказал батюшка Всеволод. Он же просит тебя заботиться о племяннице.

– Так и будет. И спасибо тебе за радение.

Император и его свита сидели за трапезой, когда в зале появились маркграф и княжна. Он подошел к ним. Маркграф показался императору смешным и жалким, и он сказал с теплотой:

– Я поздравляю тебя со счастливым выбором. Твоя невеста прекрасна. – Сказав это, он тут же забыл о маркграфе, его внимание приковала к себе Евпраксия. Юное лицо княжны, как и в Мейсене, показалось ему обольстительным. Он понимал, что так думать об этой девочке кощунственно, но ничего не мог поделать с собой и не отрывал зеленых глаз от живого, нежного и манящего тайным огнем лица княжны. Ведь только ее большие серые глаза в пушистых ресницах могли свести человека с ума, считал опытный сердцеед.

– Как вас звать, юная фрейлейн? – спросил император.

Княжна замешкалась и не очень уверенно сказала по-немецки:

– Мое имя есть Евпракса.

Император засмеялся. Он хотел быть ласковым, нежным с этой юной славянкой. Ему, тридцатидвухлетнему человеку, она могла быть дочерью. И государь погладил Евпраксию по голове.

– О, фрейлейн, ты прекрасна.

Евпраксия тоже успела рассмотреть императора. Он показался ей привлекательным мужчиной. Правда, его зеленые глаза, рыжие волосы на голове и рыжая борода напоминали ей берестовского козла, хитрого и коварного. Тот козел любил подкрадываться к девкам и поддавать им под зад. Евпраксии не дано было заглядывать в будущее. Там бы она увидела, что этот «козел» спустя шесть лет станет ее супругом.

Но вот гости сели к столу и принялись за пищу. Оказалось, что все были голодны. Генрих IV сидел рядом с княгиней Одой, и между ними шел тихий разговор. Император настаивал, чтобы Евпраксию до замужества поместили в пансионат при женском монастыре.

– Там она научится нашей речи, познает науки, и там примут ее в лоно нашей веры.

– Не знаю, нужно ли ей покидать православие? – заметила Ода.

– Я бы с вами не спорил, прекрасная Ода, если бы в Риме сидел мой папа Климент. Однако папа Григорий не благословит брак твоего племянника с арианкой.

Маркграф Генрих той тихой беседы не слышал, но чувствовал, что она касается его и Евпраксии. Нервничал. К тому же ему не хотелось сидеть рядом с маркграфом Деди, который отнял у него отца. Ему стало тягостно, и он не усидел за столом, позвал Евпраксию и увел ее осматривать покои замка.

– Здесь все как в волшебной сказке, – сказал Генрих.

Замок был возведен два века назад. Последние годы, пока княгиня Ода была государыней на Руси, замок пребывал в запущении. Но, вернувшись на родину, Ода позвала лучших мастеров из Гамбурга, Кельна и Мейсена, и они три года обновляли внутренние покои замка. Мастера потрудились отменно. Внутри замок превратился во дворец, и каждая зала была неповторима. И если это была зимняя зала, то сами ее стены, отделанные мягкими породами дерева,

как бы излучали тепло. В летних же покоях веяла прохлада. В залах было много бронзовых и мраморных статуй, столы украшали хрустальные вазы. Ода знала вкус красоты, ей было откуда черпать опыт, она дважды побывала в Константинополе, где видела прекрасные дворцы и все то, что их украшало.

Восторгаясь увиденным, Генрих и Евпраксия обменивались кое-какими немецкими фразами. Однако у Генриха было плохое настроение, и он испытывал раздражение от неверного произношения княжной как фраз, так и отдельных слов. Он даже испугался, что если Евпраксия не познает его язык, то их жизнь может оказаться мучительной.

Погуляв по замку, они вернулись в трапезную и увидели, что император и его приближенные все еще сидели за столом и вели оживленную беседу. Чувствовалось, что гости захмелели, и даже сам император вел себя менее сдержанно. Он усадил рядом с собой маркграфа и княжну и заговорил с ними о том, чего в трезвом уме не сказал бы.

– Любезный маркграф, еще раз поздравляю тебя с успешным выбором невесты. Как подрастет, из нее получится превосходная дама. И потому ты должен благодарить тетюшку Оду за заботу о себе.

– Спасибо, ваше величество, я ей благодарен, – ответил маркграф.

– Не перебивай. Но я не уверен, что графиня Гедвига когда-нибудь приблизит к себе твою подругу и скажет ей ласковое слово.

– К чему вы это говорите, государь? – спросил, негодуя, маркграф.

– К тому, что ты еще молод и ничего в людях не понимаешь. – Генрих IV вспомнил, как был одурочен в Мейсене и посчитался с маркграфом: – Княжна дикарка, и она не будет угодна честолюбивой графине. Княжне один путь до замужества – Кведлинбургский монастырь. И если ты исполнишь мою волю и отправишь туда свою невесту, я поверю, что ты любишь императора, внимаешь его советам.

Говоря неприятное, государь смотрел на маркграфа ласково, и крупная рука его мягко накрыла хрупкую кисть юноши. А он, еще не умеющий отличать ложь от искренности и по доброте своей способный прощать цинизм, почти согласился с императором поместить Евпраксию на воспитание в монастырь. Впрочем, он вспомнил, что в Киеве и у него мелькала эта мысль. Она показалась ему здоровой.

Между тем ни император, ни маркграф не нарушали традиций той поры. Германская знать со времен императора Генриха святого посылала в монастыри своих дочерей. Маркграф знал по рассказам матушки Гедвиги, что и она в юности воспитывалась в Кведлинбурге, учила там латынь, читала Горация, Виргиния. И то, что император советовал маркграфу поместить Евпраксию в Кведлинбург, тем оказывалась ей большая честь. В Кведлинбурге аббатисами всегда были только принцессы королевской крови. И в это время аббатисой там стояла сестра императора Адельгейда.

Но юный маркграф, пытаясь угодить императору и своей матери, еще не знал, как к этому отнесется его нареченная. И чтобы донести до княжны пожелание императора, ему нужен был переводчик. Он попросил у императора милости освободить его от беседы и ушел с Евпраксией искать Вартеслава. Генрих надеялся, что князь по-родственному и мягко убедит княжну отдать себя во временное заточение в монастырскую обитель. Маркграф понимал, что убедить ее будет очень трудно. И причина была одна: неукротимость нрава, неспособного к монастырскому образу жизни.

Однако Вартеслава не удалось найти, сказали, что он отлучился в город. На самом деле все было не так. Вартеслав скрывался на конюшне. И не один. Там, в укромном месте, он вел беседу с императорским стремленным молодым бароном Ламбергом, племянником графа Эткера, который добивался руки княгини Оды. Ламберг поведал князю о тайном пребывании императора в Мейсене.

– За вами следили с первого дня вашего возвращения в Германию и все передавали с гонцами кайзеру. Когда вы появились в Мейсене, император был уже там. Когда вы въезжали на площадь, я видел, что он стоял у окна за шторой. И это он повелел досмотреть ваше имущество на верблюдах. А вот зачем, мне то неизвестно.

– Но кто скажет, что заставило его? – спросил Вартеслав.

– Это могут сказать только девушки для увеселения, – усмехнулся Ламберг.

– Какая подлость! – возмутился Вартеслав. Он догадался, кого имел в виду барон. Ходили слухи, что император во многих городах тайно содержал вольных девиц.

– Да, сие так. А после того, как княжна взбунтовала верблюдов, император пришел в ярость. Он обозвал ее «дикаркой» и пообещал наказать. А слов Рыжебородый Сатир на ветер не бросает, – заключил рассказ барон Ламберг.

– Но сегодня он был с нею любезен, – заметил Вартеслав.

– Это игра в кошки-мышки, – ответил Ламберг.

В сию минуту на дворе замка раздался звук боевого рога. Это был сигнал к сборам в путь. Так по воле императора отмечался его отъезд из тех мест, куда он пребывал с визитом. Лишь в Мейсене традиция была нарушена. Барон Ламберг усмехнулся. Он-то знал, что в Мейсене император не впервые нарушил традиции королевского двора.

Глава седьмая

Рыжебородый сатир

Никто из приближенных Генриха IV, даже самый близкий к нему вельможа маркграф Деди Саксонский, не мог знать, о чем думает император и каким будет его первый шаг, когда он проснется или выйдет из-за стола после трапезы. Так было и на этот раз, когда Генрих вместо полуденного отдыха заставил приближенных собираться в путь. К тому же на сборы дал всего несколько минут.

– Всем в стремя! Всем в стремя! – разбушевался он, едва лишь маркграф и княжна покинули трапезную, а Ода ушла следом за ними. Он уходил из залы покачиваясь и продолжал кричать: – Бездельники! Винолюбы! Я вам покажу, как нежиться.

Сопровождающие императора графы и бароны хотя и знали крикливость своего кайзера, но страху в их лицах не было. Они даже посмеивались. Ведь он, по их мнению, изгонял из себя злых духов.

На дворе барон Ламберг уже держал под уздцы коня императора. Он помог ему подняться в седло. Приближенные тоже не замешкались и были готовы в путь, но гадали, куда поведет их прихоть непредсказуемого сатира. Он же, забыв проститься с гостеприимной хозяйкой Одой, покидал замок в прострации. Оказавшись за воротами Гамбурга, Генрих IV не свернул на юг к своей резиденции в Майнце, а погнал коня на запад. И какую цель там наметил император, еще долго никому не было ведомо.

«И что удумал Рыжебородый Сатир?» – задавал себе вопрос маркграф Деди, серой глыбой восседая на своем огромном жеребце. Однако Деди не утруждал себя особо разгадкой поведения императора. За многие годы он уже привык к поведению своего государя, зная, что самая замысловатая загадка в конце концов разгадывалась. Стоило только набраться терпения. Знал маркграф, что за это и любил его Рыжебородый Сатир. Однако на этот раз Деди Великан кое о чем догадывался. Поводом тому послужило поведение императора в Мейсене. Видел однажды Деди радужное свечение глаз Генриха, когда тот получил от русского князя сокровища. Ни прежде, ни позже до Майнца Деди не замечал такого свечения. Однако загадка все-таки оставалась неразгаданной. Ведь Деди был свидетелем того, что в Майнце император не увидел ничего подобного, чем порадовал его князь Изяслав. Но Деди предположил, что, может быть, в ожидании увидеть подобное так радужно засветились глаза императора. Конечно, Деди не трудно было догадаться, что Генрих мог увидеть что-то в своем воображении. Но что? Не могла же его смутить русская княжна. Да и увидел-то он эту девочку уже под конец своего торчания у окна. К тому же не мог император прекратить военные действия в Италии и прискакать за тысячу миль только для того, чтобы посмотреть на княжну. Если добавить, что в Гамбурге он совсем мало смотрел на нее, то размышления Деди о княжне были напрасными. Все-таки тут что-то было связано с тем, что княжна везла в Штаден в своих тридцати тюках, к такому выводу Деди пришел не случайно.

Римско-Германская империя вот уже много лет переживала трудные времена. Беспокойная жизнь императорского двора началась десять лет тому назад, и виноват в передрыгах был сам Генрих. Двадцатидвухлетний государь разными мерами дерзнул увеличить свои владения в Саксонии и в Тюрингии. В тех же землях он обложил своих подданных непомерными налогами. И то и другое не понравилось многим князьям и горожанам этих земель. И маркграф Оттон Нордгеймский призвал их к восстанию. Генрих мог бы подавить восстание, если бы не относился высокомерно и заносчиво к тем князьям и графам, которые были еще преданы ему, если бы попросил у них помощи. Он сумел даже поссориться с маркграфом Удоном Штаденским, жена которого Гедвига была сестрою его жены Берты. Он пренебрег силой Божьего слова,

церкви и епископов. В роковом 1072 году он добился своей враждой того, что его грозились отлучить от церкви и под ним зашатался престол. Изворотливый по природе, Генрих избежал потери трона только потому, что пошел на союз с горожанами прирейнских городов, которые и поднялись против северных князей и воинствующих епископов. Оттон Нордгеймский утихомирился, и волны опасности откатились. Епископат Саксонии и Тюрингии первым осознал, чем грозит восстание горожан центра державы, и начал искать пути сближения с императором и его министрами. Епископы предложили соединить усилия против Оттона, а в 1074 году выступили с заявлением о «Божьем мире». Но, прочитав условия «Божьего мира», Генрих словно ошалел от негодования. Он вновь призвал горожан взяться за оружие и вместе со своими рыцарями, лучниками и копейщиками повел их на войско Оттона Нордгеймского. Июльской порой два войска сошлись под Гамбургом. Удача сказалась на стороне более решительного и отважного Генриха IV. Он разбил войско саксов и пленил маркграфа Оттона. После этой победы епископат оказался сговорчивее и был заключен выгодный для императора «Божий мир».

Трон под Генрихом уже не шатался, сил прибавилось. И наступило время, как считал император, укоротить власть папы римского Григория VII. По примеру своего отца Генриха III он стал собирать войско для похода на Рим. Нашелся и повод. Папа римский своим посланием отказывал императору утверждать духовных лиц в должности и сане епископа или аббата. Как припоминал маркграф Деди, император «взбунтовался» и показал свою силу, самолично назначил германских епископов в Сполето и Фермо, прежде возведя их из священников в сан. В те же дни он отправил послание в ломбардский епископат, в котором обещал ломбардцам поддержать их в борьбе против папы Григория VII.

Бурные события развивались стремительно. Папа римский срочно созвал конклав кардиналов, и в декабре семьдесят пятого года, когда Генрих только что отпраздновал свое двадцатипятилетие, он был отлучен от церкви. Несгибаемый император стойко выдержал удар папы римского и сам нанес ему ответный удар такой силы, от которого папа Григорий VII не сумел оправиться. Генрих IV срочно созвал Вормский синод епископов католической церкви, и они, призванные по обету исполнять волю папы римского, пошли на поводу у императора. Никто этого не мог объяснить, но в результате 29 января 1076 года синод провозгласил низложение папы римского Григория VII. Казалось бы, пришло время торжествовать Генриху победу, но для торжества у него не было денег. А когда благодаря полученным от великого князя Изяслава сокровищам деньги появились, надо было вновь думать о защите престола, о борьбе против все тех же саксонских князей, которых возглавил все тот же упорный Оттон Нордгеймский, бежавший из заточения. К этому времени силы Оттона приросли. В борьбе против Генриха с ним объединились князья Южной Германии. Низложение папы Григория VII тоже не прошло бесследно. Многие епископы вновь ополчились против императора и увели свою паству под знамена маркграфа Оттона Нордгеймского.

Маркграф Деди Саксонский, оказавшийся в октябре 1076 года в городе Трибуре, стал свидетелем новой попытки свержения Генриха. Помешала тому лишь борьба кланов. Одни прочили на престол Оттона, другие герцога Рудольфа Швабского. Во время выборов голоса разделились поровну, и на уступку никто не пошел. Для Генриха это было счастливое голосование. Примчав в Верону, где в эту пору пребывал Генрих, маркграф Деди сказал ему:

– Государь, молитесь Всевышнему и Пресвятой Деве Марии. Они к тебе милосердны.

– Говори же с какой стати молиться? – потребовал Генрих.

– Южные и северные князья поссорились, каждый клан тянул на престол империи своего, но Бог оказался на твоей стороне, и трон твой незыблем.

– Что ж, я сегодня же отслужу мессу, – заявил Генрих, довольный поездкой своего фаворита в Трибур.

И Генрих не только отслужил мессу благодарности случаю, но в тот же день было написано папе римскому, все тому же Григорию VII, послание, в котором император выражал папе покорность сына. Он покался во всех грехах. Правда, Деди, который писал это послание, знал, что Генриху и дня не хватило бы на изложение всех своих грехопадений, и все-таки конец послания внушил Деди надежду на то, что Генрих будет наконец чтить Бога, веру и папу римского. Было написано, что император полностью отдает себя в руки верховного понтифика и наместника Иисуса Христа на земле папы римского.

Пока Деди начисто переписывал послание императора, он нашел еще один ход конем, который должен был окончательно покорить папу. Генрих IV приглашал Григория VII на рейхстаг в Аугсбург, где думал публично отказаться от власти над епископами. Однако, заявив об этом в послании, он не поехал в Аугсбург, а отправился на земли графини Матильды Тосканской во Флоренцию, где надеялся до рейхстага встретиться с папой. Когда он достиг замка графини Матильды, то уже знал, что папа Григорий VII там. Он всегда останавливался у Матильды, если вынужден был ехать на север Италии или в Германию.

Император облачился в одежды кающегося и возник близ ворот замка. Вместе с маркграфом Деди он ждал понтифика с раннего утра и до полудня. А когда, наконец, папа смиловался и вышел, Генрих встал на колени, поцеловал папе руку и попросил принять покаяние. Папа увел императора и маркграфа в замок. Это «покаяние» длилось за обильной трапезой до позднего вечера. Свидетелями на нем были графиня Матильда и маркграф Деди. Правда, Деди меньше слушал, а больше любовался молодой, красивой и отважной графиней Тосканской. В будущем Деди не раз придется испытать отвагу этой воительницы. Она окажется самым непримиримым противником императора.

Папа Григорий VII был милосерден и отпустил покаявшемуся все грехи. И даже то, что Генрих обманул папу по поводу рейхстага в Аугсбурге. Он и не думал собирать рейхстаг. И то сказать, пред папой никогда еще не стояли на коленях не только императоры, но и короли. А Генрих стерпел коленопреклонение с дальним расчетом. Он думал не только получить отпущение грехов, но и заручиться поддержкой папы в борьбе против саксонских и тюрингских князей. Он добился своего: папа пообещал Генриху помощь военной силой и деньгами.

Однако, когда Генрих вернулся из Флоренции в Верону, Деди на другой же день доложил императору:

– Ваше величество, а вы поторопились с покаянием, и помощь папы вам не потребуется, она будет только во зло.

– Как ты смеешь говорить подобное, винная бочка? – возмутился Генрих. – С чего ты взял, что во зло?

– Мне стало известно, что князья севера и юга недовольны твоим визитом к папе и твоим покаянием. Они вновь сходятся в Форхгейме.

– Собирайся немедленно и ты туда. Узнай, о чем пойдет речь.

Деди отправился в Форхгейм, но путь был неблизкий, и он опоздал на съезд князей. Однако через своих людей Деди узнал о всех тайных решениях князей. Они были печальны для императора. Вельможи признали, что союз Генриха IV и Григория VII – прямая угроза их независимости. И Генрих был низложен с королевского престола, который принадлежал ему по праву рождения. Деди вернулся в Верону и сказал своему кайзеру:

– Мой государь, ты уже не король Германии, и тебя зовут на присягу Рудольфу Швабскому.

Генрих держал в руках серебряный кубок и запустил им в маркграфа. Но Деди увернулся и поймал кубок.

– Зачем ты явился предо мной?! Там бы и оставался у Шваба!

– Прости, государь, но Шваба я никогда не полюблю так, как тебя. Лучше будем собирать войско, чтобы идти на него. Как мне хочется укоротить того осла на голову! – И Деди раскатисто засмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.